

О перспективах, которые ждут трудящихся развитых капиталистических стран, можно судить по положению японского пролетариата в 50—70-х гг. XX в.; см.: Кузнецов Ю. Д., Павлицкая Г. В., Сыричев И. М. История Японии.—М., 1988.—С. 355.

³⁸ О сопротивлении римских императоров научно-техническому прогрессу см.: Селешкий Б. П. Некоторые проблемы римской экономики в I в. н. э. С. 41—42.

³⁹ С момента окончательной остановки научно-технического прогресса во II в. н. э. и до падения Римской империи в V в. н. э. прошло около трехсот лет.

А. В. Островский

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: СЛУЧАЙНОСТЬ? ИСТОРИЧЕСКИЙ ЗИГЗАГ? ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Сейчас уже для всех очевидно: Октябрьская революция как революция социалистическая не состоялась. Что же она представляла собою? Случайность? Исторический зигзаг? Или закономерность? И если объективно была обусловлена, почему потерпела поражение? Как бы по-разному мы ни относились к этому событию, было бы большой ошибкой не учитывать, что оно началось как одно из действий той величайшей по своим масштабам исторической трагедии, которой стала для человечества первая мировая война. В нее оказалось втянуто более 30 стран с населением в 1 млрд. человек. Это 62% населения планеты! Почти 70 млн. человек было призвано под ружье. И как результат—25 млн. погибших (в том числе, 10 млн. на поле боя) и 15 млн. раненых.¹ Для сравнения: за XVII, XVIII и XIX вв. во всех войнах, которые вела Европа, погибло 14 млн. человек.² 14 млн. за 300 лет и 10 млн. за 4 года только в бою.

Казалось наступил конец света. Осознание начавшейся войны как глобальной катастрофы нашло отражение и в философской, и в исторической литературе того времени. «Эта война,— писал в 1917 г. М. О. Гершензон,— приняла такие размеры и такой характер, что ее смысл как мировой катастрофы обнаружился с первых дней».³ Именно это и породило мысль, что капитализм, исчерпав возможности своего развития, вступил в эпоху войн, социальных катаклизмов и политических переворотов. Однако на призыв, брошенный воюющим народам, взять свою судьбу в собственные руки, на призыв к социалистической революции откликнулась одна Россия. Почему же так произошло? Чтобы ответить на этот вопрос прежде всего необходимо объяснить, как мир пришел к подобной войне и в каком состоянии она застала Россию?

*

Касаясь вопроса о возникновении первой мировой войны В. И. Вернадский совершенно справедливо лисал, что она была «подготовлена десятилетиями, если не столетиями».⁴ А поэтому понять ее смысл и происхождение можно лишь в контексте

предшествующей мировой истории. На протяжении тысячелетий человеческое общество представляло собою совокупность разобщенных стран и народов, многие из которых рождались, существовали и гибли, ничего не зная друг о друге. В таких условиях даже самые крупные международные конфликты имели только локальный характер. И путь человечества к мировой войне был связан как с ликвидацией прежней международной разобщенности, так и с расширением масштабов международных конфликтов. Решающее значение в данном случае имел переход общества от феодализма к капитализму, от натурального хозяйства к хозяйству товарному.

Долгое время основу экономики, а следовательно, и основу общества составляло крестьянское хозяйство. Сочетая занятие сельскохозяйственным производством и домашней промышленностью, оно ориентировалось главным образом на удовлетворение собственных потребностей и по этой причине имело замкнутый характер. Сельское хозяйство являлось ведущей отраслью экономики, незначительное развитие обмена определяло слабость экономических связей как внутри отдельных стран, так и между ними, собственность на землю представляла собою главный вид богатства, крестьяне составляли подавляющее большинство населения, деревня определяла облик всего общества, внешнеэкономическое принуждение служило основным инструментом, определявшим политическое единство государств и обеспечивающим эксплуатацию крестьянства феодалами, а движущей пружиной экономического развития такого общества (назовем его условно «феодальным») был простой рост численности населения.

Подобное развитие, однако, могло осуществляться только до тех пор, пока существовало многоземелье. По мере исчерпания резерва свободных и удобных для сельского хозяйства земель зарождалась и постепенно приобретала все более и более широкий радиус действия диспропорция между сохранявшимися темпами роста численности населения и замедлявшимися темпами освоения новых земель. Одним из проявлений этой диспропорции было снижение земельной обеспеченности крестьянства. При прежней производительности труда, прежней производительности земли и прежней продуктивности скота (а они не могли измениться сразу) в деревне неизбежно возникал избыток рабочих рук (аграрное перенаселение) и происходило сокращение производства сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения, т. е. складывался кризис экстенсивного сельскохозяйственного производства. И первое, и второе делало неизбежным сначала относительное, а затем и абсолютное сокращение производимого в зоне действия этой диспропорции

прибавочного продукта, обострение борьбы за его распределение, нарушение воспроизводства крестьянских хозяйств и осаждение класса феодалов, т. е. вело к складыванию кризиса феодальной системы и зарождению процесса первоначального накопления.

Вынужденное перестраиваться, крестьянское хозяйство переходило от переложно-залежной системы к трехполью и многополью, это сопровождалось распашкой выгонов и сенокосов, сужением кормовой базы животноводства, разрушением сырьевой базы домашней промышленности. Последнее обстоятельство стимулировало рост спроса и цен на товарную промышленную продукцию. А поскольку первоначально названная диспропорция имела локальный характер, то разрушение одних крестьянских хозяйств сопровождалось расширением и перестройкой других. Причем опережающий рост цен на промышленные товары способствовал более быстрому развитию промышленности, отделению ее от сельского хозяйства и превращению в ведущую отрасль экономики (индустриализация). Складывание отраслевого разделения труда свидетельствовало о разрушении натурального хозяйства, формировании единого внутреннего рынка и ликвидации прежней разобщенности отдельных хозяйств. Одновременно происходило перераспределение населения между городом и деревней в пользу города, город начинал определять облик общества, все виды богатства приобретали форму капитала и экономическое принуждение становилось главным инструментом эксплуатации.⁵

Распространено мнение, будто бы таким образом процесс первоначального накопления автоматически вел к складыванию нового, буржуазного общества. Однако факты свидетельствуют, что долгое время такой вариант развития являлся тупиковым. Вспомним судьбу Древнего Рима.⁶ Выход из этого исторического тупика удалось найти только во второй половине XVIII в., когда в Англии начался промышленный переворот. Именно промышленный переворот, заключавшийся в переходе от ручного труда к механизированному, придал процессу первоначального накопления необратимый характер и открыл возможность для завершения трансформации феодального общества в обществе буржуазное.

Подобное превращение Англия осуществила к середине XIX в. За нею последовали другие государства. И во второй половине этого столетия мир разделился на две части. Одну из них составили промышленно развитые страны («мастерские мира»), другую — страны с аграрной экономикой и присваивающим хозяйством («аграрная периферия» или «мировая деревня»). Вся последующая история характеризовалась расшире-

нием границ «мастерских мира» и сужением ареала «аграрной периферии». Только к концу ХХ в. соотношение численности городского и сельского населения в масштабах всей планеты выравнилось. А поэтому период с конца XVIII в. можно рассматривать как период промышленного переворота, период индустриализации, период складывания капитализма. Следовательно к началу первой мировой войны не могло быть речи ни об исчерпании возможностей развития капитализма, ни о социалистической революции.

Начавшийся в конце XVIII в. промышленный переворот не только повлек за собою изменение облика человеческого общества, но и существенно изменил развитие самого исторического процесса. С некоторой долей условности с определенного момента всю историю до конца XVIII в. можно рассматривать как историю «замкнутых цивилизаций», эволюция которых происходила главным образом под влиянием внутренних факторов и имела естественный характер. Осуществив революцию на транспорте и тем самым открыв возможность для завершения процесса формирования единого мирового рынка, промышленный переворот тем самым сделал возможной ликвидацию прежней разобщенности отдельных народов и положил начало складыванию единого мирового хозяйства, единой мировой культуры, единой мировой цивилизации. В связи с этим наметилась тенденция снижения роли внутренних и возрастания роли внешних факторов в развитии отдельных стран и народов, тенденция превращения внешних факторов в решающие и определяющие. Прежде всего это должна была ощутить на себе «аграрная периферия». Нежелание понять и признать данный факт — это по меньшей мере проявление прежнего средневекового мышления, без преодоления которого невозможно осмыслить многие события XX века, в том числе и происхождение Октябрьской революции.

В связи с этим возникает вопрос: когда же революция на транспорте создала основу для функционирования единого мирового рынка и открыла возможность для создания единой мировой цивилизации? Еще в середине XIX в. паровые суда осуществляли только около 10% всех речных и морских грузоперевозок, в 90-е годы они уже отодвинули парусный флот на второе место. В 1850 г. протяженность железных дорог составляла 40 тыс. км, к 1875 г. она увеличилась до 300 тыс., к 1900 г. до 800 тыс., а сейчас достигает 1,5 млн. км.⁷ Таким образом, основа для завершения процесса складывания единого мирового рынка была создана к концу прошлого столетия и именно на рубеже XIX—XX веков человечество вступило в период глобальных перемен и самой ожесточенной международной борьбы.

Одним из основных ее направлений стала борьба между «мастерскими мира» и «аграрной периферией». О характере и итогах этой борьбы к середине ХХ века свидетельствует прилагаемая табл. 1:

Таблица 1
«МАСТЕРСКИЕ МИРА» И «АГРАРНАЯ ПЕРИФЕРИЯ»
1850—1960 гг.

Основные показатели	1850	1960
Население:		
— «мастерские мира»	200	630
— «аграрная периферия»	560	1320
— всего	760	1950
Произведенный национальный доход:		
— «мастерские мира»	20	222
— «аграрная периферия»	56	468
— всего	76	690
Потребленный национальный доход:		
— «мастерские мира»	29	570
— «аграрная периферия»	47	120
— всего	76	690
Перераспределение национального дохода:		
— «мастерские мира»	+9	+348
— «аграрная периферия»	-9	-348
Уровень жизни:		
— «мастерские мира»	145	925
— «аграрная периферия»	85	90
— в среднем	100	350

Источник: Лукин Л. И. Экономико-статистический анализ национального дохода развивающихся стран. Автореф. ... канд. экон. наук. М., 1967. С. 16. Население — млн. чел., национальный доход — млрд. дол. в ценах 1960 г., уровень жизни — национальный доход на душу населения. Расчет мой — А. О.

Не претендую на абсолютную точность, таблица имеет своей целью дать ориентировочное представление о том, как шел процесс приобщения «мировой деревни» к цивилизации и какое значение он имел для «аграрной периферии» и «мастерских мира». Приведенные данные показывают, что в середине XIX века ведущие мировые державы на 70% жили за счет собственного производства, «мировая деревня» теряла примерно 16%

производимого ею национального дохода и уровень жизни «мастерских мира» лишь в полтора раза превосходил уровень жизни народов «аграрной периферии»⁸. Через сто лет благополучие «мастерских мира» уже более, чем наполовину основывалось на безжалостной эксплуатации других стран, «мировая деревня» теряла почти 75% своего национального дохода, а уровень жизни промышленно развитых государств превосходил уровень жизни «аграрной периферии» в 10 раз. После того, как распалась колониальная система, положение дел в «мировой деревне» не только не улучшилось, а даже наоборот ухудшилось⁹.

Именно это позволило буржуазии «мастерских мира» поднять заработную плату своим рабочим на небывалый уровень и превратить их в мировую рабочую аристократию. Следствием этого было ослабление здесь социальных противоречий, исчезновение среди рабочих революционных настроений и широкое распространение реформизма. Одновременно с этим центр тяжести социальных противоречий, а значит, и эпицентр социальных бурь переместился на «аграрную периферию».

Изменение в положении рабочего класса промышленно развитых стран сделало его заинтересованным в сохранении сложившейся системы эксплуатации «мировой деревни». Если бы в середине XX века произошла мировая социалистическая революция и неэквивалентный обмен между «мастерскими мира» и «аграрной периферией» был уничтожен, уровень жизни «мировой деревни» поднялся бы примерно в четыре раза, а уровень жизни «мастерских мира» упал бы почти в три раза. В таких условиях призыв к социалистической революции мог встретить поддержку только со стороны «аграрной периферии». Более того, даже оказавшись у власти, рабочий класс промышленно развитых стран был бы вынужден сохранить прежнюю систему международной эксплуатации, а следовательно, и все те идеологические и политические механизмы, с помощью которых она осуществляется.

В противном случае мировая революция должна была бы повести не просто к выравниванию уровня жизни между отдельными странами и народами, но и к частичному разрушению «мастерских мира», а также к перемещению центра политической жизни на «аграрную периферию», т. е. повлечь за собою примерно такие же последствия, которые имело «великое переселение народов» V в., под натиском которого пал Древний Рим и была стерта с лица земли римская цивилизация. Подобный поворот событий несомненно оказал бы благотворное влияние на «аграрную периферию» и способствовал бы ускорению темпов ее развития. Однако он не мог привести человеческое общество к социализму, так как даже сейчас при достигнутом уровне производства равномерное распределение национального дохода

означало бы «лишь всеобщее распределение бедности» (в 1960 г. это составляло 300 дол. на чел.). «А при крайней нужде, — как подчеркивали еще в середине XIX века К. Маркс и Ф. Энгельс, — должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость».¹⁰ Самое большее, что могла дать мировая революция — это ценой гибели «мастерских мира» ускорить переход «аграрной периферии» к капитализму и тем самым облегчить здесь муки рождения нового, буржуазного общества, т. е. муки первоначального накопления.

Открыв перед «мастерскими мира» широкое поле для эксплуатации «мировой деревни», промышленный переворот повлек за собою резкое обострение борьбы между ведущими капиталистическими державами не только за раздел и передел мира т. е. за право эксплуатировать «аграрную периферию», но и за подчинение одних «мастерских мира» другим, за установление мирового господства. Первоначально монопольное положение на складывавшемся мировом рынке занимала Англия и именно она претендовала на то, чтобы подчинить своему влиянию весь мир. Однако во второй половине XIX века у нее появились два грозных соперника: Германия и США. Именно столкновение интересов Англии и Германии привело к первой мировой войне. В эту войну на стороне Англии оказалась втянута и Россия.

Не располагая некоторыми видами стратегического сырья¹¹, Германия вынуждена была делать ставку на скоротечную войну. Превращение же первой мировой войны в войну затяжную, в войну на истощение, уже само по себе делало поражение Германии неизбежным. Чем очевиднее становилась такая перспектива, тем большее значение правящие круги этой страны должны были придавать использованию противоречий между странами Антанты, политике внутреннего разложения противника. В связи с этим Генеральный штаб Германии делает ставку на развязывание революции в России¹². Считая возможность участия «германских денег» как в Февральской, так и в Октябрьской революциях вполне реальной, следует, однако, констатировать, что вопрос о их конкретной роли до сих пор остается открытым.¹³ Война оказалась непосильной и для других воюющих стран. Летом 1917 г. перед лицом финансового банкротства оказалась Англия.¹⁴ Если бы расстановка сил на международной арене осталась прежней и война на истощение продолжалась, вполне реальной перспективой были бы революционные потрясения как в Германии и Австро-Венгрии, так и в странах Антанты. Февральская революция в России представляла собою первую вспышку возможного пожара мировой революции. В этих условиях в ход событий сочли

необходимым вмешаться США. Встав на сторону Антанты, тем самым окончательно предопределили исход мировой войны. Но сделав подобный выбор, США вовсе не собирались спасать страны Антанты. Подорвав силы воюющих сторон, первая мировая война открыла перед американской буржуазией путь для установления мирового господства. Неслучайно еще в годы войны В. Вильсон выдвинул доктрину, направленную на разрушение существовавших мировых империй, одним из средств ее реализации должна была стать серия «революций суверенитетов». Иначе говоря, американский капитал ставил перед собою задачу сломать политические барьеры на пути проникновения его в экономику тех стран, которые до этого находились в сфере влияния английского, германского и французского капитала. Поэтому американская буржуазия стала на путь поддержки национально-освободительного и революционного движения в других странах. Таким образом, кроме Германии, в развитии революционных событий в России были заинтересованы США. В этих условиях и произошла Октябрьская революция.

Что же представляла собою Россия к началу XX века? Действительно ли революционный взрыв в ней был неизбежен или же он был вызван искусственно? Для ответа на эти вопросы прежде всего необходимо определить, на какой стадии исторического развития находилась наша страна к началу первой мировой войны, т. е. принадлежала ли она уже к «мастерским мирам» или еще оставалась частью «аграрной периферии»?

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают основание утверждать, что российский феодализм стал исчерпывать возможности своего развития примерно во второй половине XVIII в. и именно этим временем следует датировать вступление России в эпоху первоначального накопления. Следовательно, именно тогда, когда в Англии начался промышленный переворот, и произошло завершение процесса первоначального накопления, наша страна еще только-только начинала движение по этому пути. В результате несомнения на то, что русский инженер И. И. Ползунов изобрел универсальный паровой двигатель на несколько лет раньше английского инженера Джеймса Уатта, в России второй половины XVIII в. этот двигатель не нашел себе применения, и не она, а Англия стала родиной промышленного переворота.¹⁵ В 60-е годы XVIII в. на всю Россию приходилось немногим более 260 промышленных предприятий мануфактурного типа, на которых было занято менее 40 тыс. рабочих¹⁶. По существу это были крепостные крестьяне, труд которых ничего не стоил их владельцам и использование которых было выгоднее внедрения машинной техники.

di
По этой причине производство паровых машин началось в России лишь полвека спустя после изобретения И. И. Ползунова, и заслуга в организации такого производства принадлежала английскими предпринимателям К. Берду и Моргану¹⁷. Первично счет изготавливавшихся машин шел на единицы и влияние на развитие промышленного производства было небольшое. Судите сами. За 1776—1850 гг. количество промышленных предприятий увеличилось с 478 до 9843, численность рабочих с 50 тыс. до 518 тыс., объем производства с 10 до 166 млн.¹⁸ Это значит, что более 60% прироста промышленного производства было получено не за счет роста производительности труда, а за счет создания новых рабочих мест. Поэтому нельзя согласиться с П. Г. Рындзионским, который считает, что «о промышленном перевороте в России... по крайней мере до середины 50-х годов XIX века говорить не приходится».¹⁹ Существенные изменения в производительности труда наметились только между 1854 и 1863 гг.²⁰, а значит, в стадию промышленного переворота Россия вступила не ранее середины XIX века, т. е. тогда, когда в Англии он уже был завершен.

Превращение Англии и некоторых других государств (стран «первого эшелона» индустриального развития) в «мастерские мира» и обострение борьбы между ними и «аграрной периферией» ставило все отставшие в своем развитии государства перед выбором: или в максимально короткие сроки тоже осуществить индустриализацию, перейти в разряд «мастерских мира» и приобщиться к эксплуатации «мировой деревни» (стран «второго эшелона») или же сохранив свой доиндустриальный характер, стать добычей «мастерских мира» и объектом самой безжалостной эксплуатации (страны «третьего эшелона»). Подобную перспективу правящие верхи царской России начали сознавать сразу же после неудачной Крымской войны 1853—1856 гг., обнаружившей военно-техническую и экономическуюсталость России по сравнению с Англией и Францией. А поэтому именно середина XIX века стала для России началом промышленного переворота.

За полвека после Крымской войны наша страна сделала значительный промышленный рывок и по некоторым показателям вышла на уровень ведущих европейских государств. В соответствии с этим широкое распространение получили представления, будто бы к началу XX века Россия не только завершила промышленный переворот, но и подошла к завершению процесса индустриализации, т. е. процесса превращения в «мастерскую мира». В доказательство этого обычно приводятся данные об отраслевом распределении национального дохода накануне перв-

вой мировой войны. Из них явствует, что в 1913 г. на сельское хозяйство приходилось 53%, а на промышленность и другие отрасли экономики 47% производимого в стране национального дохода²¹. Однако оперируя этими данными, исследователи почему-то умалчивают, что приводимые ими показатели характеризуют распределение национального дохода не по месту его производства, а по месту потребления и по этой причине несут в себе искажающее влияние так называемых «ножниц цен»: завышения цен на промышленные товары и занижения цен на сельскохозяйственные продукты.

Между тем в литературе уже высказано мнение и сделана попытка показать, что цены на сельскохозяйственные продукты в России начала XX века стояли не только ниже стоимости, но и ниже себестоимости.²² По расчетам А. А. Барсова, в результате подобного неэквивалентного обмена между городом и деревней дореволюционное сельское хозяйство теряло 36% производимой им стоимости²³. Если внести эту поправку в данные о распределении национального дохода, то скажется, что на долю сельского хозяйства приходилось почти 80% производимого национального дохода, а на промышленность и другие отрасли экономики около 20%. Эти показатели, вероятно, нуждаются в уточнении, но они несомненно более верно отражают реальное положение дел. На это в частности указывает и распределение национального богатства между сельским хозяйством и промышленностью: соответственно 24 и 6 млрд. руб.²⁴, и данные о соотношении сельского и городского населения: 87% и 13%²⁵.

Из этого явствует, что к началу XX века процесс индустриализации в России еще был далек от своего завершения, а следовательно, процесс перехода от феодализма к капитализму находился на одной из начальных стадий. И действительно, к этому времени в стране не завершился промышленный переворот, продолжали существовать прежние классы-сословия феодального общества, не завершился процесс складывания новых классов (пролетариата и буржуазии), только в 1905 г. был сделан первый шаг на пути трансформации абсолютизма в конституционную монархию. По этой причине даже монополистический капитал играл в стране роль инструмента первоначального накопления.

Темпы движения нашей страны по этому пути могли быть гораздо большими. Дело в том, что вынужденные под давлением обстоятельства признать необходимость преобразований, правящие верхи России первоначально пытались осуществить их путем простого заимствования европейского опыта. Между тем особенности развития стран «второго эшелона», к которым принадлежала Россия, требовали и особого варианта индустриали-

зации. Если в Англии промышленный переворот был подготовлен всем предшествующим ее развитием и осуществлялся под влиянием ее внутренних потребностей, то в странах «второго эшелона» он происходил в значительной степени под воздействием внешних факторов (обострение международной конкуренции и повышение военной угрозы со стороны «мастерских ми-ра»). И чем больше отставала в своем развитии та или иная страна, чем позже она вступала на путь индустриализации, тем большее значение приобретали для нее внешние факторы. В результате страны «второго эшелона» вынуждены были начинать промышленный переворот тогда, когда в них для этого еще не были созданы все необходимые предпосылки, и осуществлять его такими темпами, которые диктовались не внутренними потребностями, а внешними условиями. Это неизбежно придавало индустриализации искусственный характер, лишило прежней эффективности рыночные механизмы индустриализации и требовало государственного вмешательства в экономику, иначе говоря, особенности индустриализации в странах «второго эшелона» рождали необходимость создания государственно регулируемой экономики.

Промышленному перевороту в Англии предшествовало несколько столетий первоначального накопления, в результате чего к концу XVIII века в ней уже почти полностью было разрушено натуральное крестьянское хозяйство, создана многочисленная армия наемных рабочих, важную роль в экономике играло мануфактурное производство, функционировал емкий внутренний рынок, имелись достаточные капиталы для механизации промышленного производства. В странах «второго эшелона» к началу промышленного переворота все эти предпосылки в лучшем случае находились в стадии становления. Поэтому здесь осуществление индустриализации прежде всего требовало искусственного форсирования процесса первоначального накопления: как процесса раскрепощения, так и мобилизации необходимых средств.

А поскольку эти страны могли рассчитывать главным образом на внутренние источники, то это предполагало усиление эксплуатации деревни. Необходимо также учитывать, что страны «второго эшелона» вынуждены были экспорттировать сельскохозяйственные продукты, а также сырье и, попадая под действие «ножниц цен», не могли не терять на мировом рынке часть производимого ими национального дохода. Все это вместе взятое порождало в них необходимость создания такого механизма накопления, который не только обеспечивал бы максимальную мобилизацию внутренних ресурсов, но и позволял бы с наибольшей полнотой использовать их для нужд индустриализации.

Между тем на протяжении пореформенной эпохи темпы индустриализации нашей страны значительно отставали от темпов мобилизации внутренних ресурсов и колосальные средства расходились за пределами отечественной промышленности.

Прежде всего это касается государственного бюджета. За 1861—1913 гг. он увеличился с 0,4 до 3,4 млрд. руб., т. е. почти в 9 раз, и его суммарный объем составил 67 млрд. руб.²⁶ Для сравнения: в 1914 г. вся стоимость национального богатства России (без земли) составляла в 69 млрд. руб., из них около 5 млрд. приходилось на государственный сектор и примерно столько же на промышленность.²⁷ Очевидно, если бы царизм использовал для нужд индустриализации только пятую часть своего бюджета в начале XX в. Россия имела бы более значительный государственный сектор экономики и в 2,5 раза более высокий промышленный потенциал. Это свидетельствует о том, что на протяжении полувека после Крымской войны царское правительство способствовало развитию промышленности главным образом путем расширения частной инициативы, а те огромные средства, которые за счет хищнического ограбления деревни стекались в казну, шли на содержание армии, использовались для поддержки разоряющегося дворянства, поглощались чиновничеством и т. д. В таких условиях интересы индустриализации требовали создания более «дешевого государства», способного быть не тормозом промышленного развития, а одним из важнейших инструментов его ускорения.

Роль тормоза, сдерживавшего процесс индустриализации, играло и крупное помещичье землевладение. По явно заниженным расчетам Министерства финансов, в 1906 г. доходы помещичьего землевладения (имения более 300 десятин) составляли 356 млн. руб.²⁸ Учитывая, что после отмены крепостного права площадь помещичьего землевладения сократилась, а цены на сельскохозяйственные продукты увеличились, можно утверждать, что в предшествующие годы помещичьи доходы были неменьшими. Это значит, что за 1861—1913 гг. суммарный объем помещичьих доходов составлял более 18 млрд. руб. К этому необходимо добавить свыше 2 млрд. руб. от продажи земли,²⁹ не менее 1,8 млрд.³⁰ полученных в виде кредита и около 0,8 млрд. выкупных платежей.³¹ А в итоге, минимум, 22 млрд. руб. Если бы все эти средства пошли на улучшение помещичьего хозяйства, к началу XX века Россия могла иметь в полтора—два раза более высокий потенциал сельскохозяйственного производства, а если бы эти же средства были вложены в промышленность, — в четыре—пять раз более высокий промышленный потенциал.

Крупное землевладение сдерживало процесс накоплений и в другом отношении. Являясь одновременно и собственником, и работником, крестьянин мог реализовать свою продукцию по ценам не только ниже ее стоимости, но и ниже себестоимости, довольствуясь только той урезанной частью стоимости, которая соответствует переменному капиталу, крупное же, капиталистически организованное производство может существовать, реализуя свою продукцию только по ценам выше ее себестоимости. Иначе говоря, вытеснение мелкого хозяйства крупным вело к росту цен на сельскохозяйственные продукты и, сдерживая действие «ножниц цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары, осложняло перераспределение национального дохода из деревни в город. Следовательно, ускорение темпов индустриализации требовало ликвидации помещичьего землевладения.

Между тем индустриализация, связанная с перераспределением населения между городом и деревней в пользу города, предполагала повышение производительности труда в сельскохозяйственном производстве и расширение его товарности, что было явно не по силам крестьянскому хозяйству. В результате с одной стороны, индустриализация требовала ликвидации крупного, помещичьего хозяйства, а с другой стороны, была невозможна без перехода деревни от мелкого хозяйства к крупному. Выход из этого противоречия могла дать только принудительная коллективизация: объединение мелких, крестьянских хозяйств в крупные, прикрепление крестьян к земле и лишение их возможности свободно распоряжаться плодами своего труда. Иначе говоря, ускорение темпов индустриализации предполагало создание в деревне барщинного хозяйства государственно-феодального типа, т. е. своеобразную феодальную реакцию.

Третьим фактором, сдерживавшим осуществление промышленного переворота в России являлся иностранный капитал. Было бы неверно не учитывать ту важную роль, которую он сыграл в переходе России на путь индустриализации, но столь же неверно игнорировать и ту цену, которую пришлось заплатить за это содействие. По существу вся пореформенная эпоха характеризовалась усилением зависимости России от иностранного капитала и постепенным превращением ее в полуколонию. Некоторое представление об итогах развития этого процесса к началу XX века дают сведения о распределении акций и облигаций. Они свидетельствуют, что за пореформенные годы удельный вес русских ценных бумаг, концентрировавшихся в руках иностранных подданных, поднялся до 35% (7,6 из 21,6 млрд. руб.)³². А значит, в начале XX в. уже треть получаемой их владельцами прибыли поступала в руки иностранных граждан. Если бы этот процесс развивался прежними темпами, то уже

в 20—30-е годы большая часть русских ценных бумаг должна была бы сосредоточиться в руках иностранных держателей.

Однако в начале XX века главную роль в эксплуатации России, по всей видимости, играл не финансовый, а торговый капитал. Если в 1861—1865 гг. внешнеторговый оборот нашей страны составил 0,5 млрд. руб., то в 1911—1913 г. уже 2,5 млрд. За эти годы суммарный экспорт официально достиг 35 млрд., а суммарный импорт 29 млрд. руб.³³ Широко распространено мнение, будто бы положительное сальдо внешней торговли (в данном случае 6 млрд. руб.) свидетельствует о внутреннем накоплении. С этим можно согласиться только в том случае, если внешняя торговля находится в руках государства или же национальной буржуазии. Если же ее контролируют иностранные посредники, то именно в их карман в основном и поступает разница между экспортом и импортом. Именно так обстояло дело в дореволюционной России, внешняя торговля которой почти полностью находилась в руках иностранных банков и торговых фирм. Один только пример. Накануне первой мировой войны под русским флагом ходило 20% всех торговых судов, обслуживающих внешнюю торговлю, и на них приходилось около 10% грузооборота торгового флота.³⁴

Еще более важную роль в данном случае играла разница цен на мировом и российском рынках. В 1906—1908 гг. среднегодовой экспорт России оценивался русскими таможнями в 1049 млн. руб., а зарубежными — в 1578 млн. руб., наоборот импорт зарубежные таможни оценивали в 735 млн. руб., а русские в 854 млн. Следовательно, Россия теряла на экспорте 35% рыночной стоимости вывозимых продуктов, а на импорте переплачивала 15%, в результате чего вывозя на 1578 млн. руб. она ввозила только на 735 млн., теряя таким образом более 50% реальной рыночной стоимости своего экспорта.³⁵

А так как на протяжении XIX века происходило сокращение разрыва цен на мировом и внутрироссийском рынках, то если показатели 1906—1908 г. экстраполировать на весь постреформенный период, реальный суммарный экспорт России за 1861—1913 гг. можно определить, как минимум, в 52 млрд. руб., а реальную суммарную стоимость импортированных товаров, максимум, в 25 млрд. руб. Это значит, что за 1861—1913 гг. Россия внесла в копилку благополучия «мастерских мира» не менее 27 млрд. руб., в три с лишним раза больше всех иностранных капиталовложений, имевшихся в нашей стране к 1913 г. В этих условиях ее интересы требовали или пересмотра условий сотрудничества с прежними партнерами или же переориентации на те круги международного финансового капитала, которые были заинтересованы в вытеснении с российского рын-

а своих конкурентов и в связи с этим, по крайней мере первоначально могли пойти на более выгодное для России сотрудничество.

Таким образом, за полвека после Крымской войны царское модернизация, помещичье хозяйство и иностранный капитал отвлекли от производства более 50 млрд. руб. Нетрудно подсчитать: если бы эти огромные средства были использованы для продолжения индустриализации, уже к началу первой мировой войны Россия могла бы завершить промышленный переворот и перейти в разряд «мастерских мира». Однако эксплуатация народа жила хищнический, паразитический характер и, сдерживая развитие страны, вела к обострению социальной напряженности общества.

*

Насколько же взрывоопасной была ситуация в России начала XX в.? Чтобы понять это, достаточно обратиться к продовольственной проблеме. Работами И. Д. Ковалевченко убедительно показано, что накануне крестьянской реформы 1861 г. Россия переживала кризис сельскохозяйственного производства, характеризовавшийся сокращением сбора зерна и поголовья скота в расчете на душу населения.³⁶ В постреформенные годы зерновое производство сумело выйти из этого кризиса. В 60-е гг. XIX века чистый сбор зерна на душу населения составлял около 19 пуда, а накануне первой мировой войны уже 24 пуда.³⁷

Таблица 2
ДИНАМИКА ЗЕРНОВОГО ПРОИЗВОДСТВА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ. 1861—1910 гг.

Основные показатели	60-е гг.	70-е гг.	80-е гг.	90-е гг.	900-е гг.
общий сбор	1685	1890	2175	2605	3210
имена	485	495	515	530	595
чистый сбор	1200	1395	1660	2075	2615
население	63	71	81	93	108
а) 1 чел.:					
— общий сбор	26,8	26,6	26,8	28,0	29,7
— чистый сбор	19,0	19,6	20,5	22,3	24,2
импорт	105	240	360	445	680
потребление хлеба					
а) общее	1095	1155	1300	1630	1935
б) на 1 чел.	17,5	16,0	16,0	17,5	18,0

Источники: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих гу-

берий сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1., с. 155; Свод статистических сведений о сельском хозяйстве России к концу XIX в. СПб., 1903. Вып. II. С. 132—133; Урожай [1901—1910] года. СПб., 1902—1911. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб., 1908—1911. Население в млн. чел., сбор, экспорт и потребление хлеба в млн пуд., душевые показатели в пудах.

Однако этот небольшой прогресс в значительной степени был куплен за счет распашки выгонов и сенокосов, т. е. за счет сокращения кормовой базы животноводства и дальнейшего развития кризиса этой отрасли сельского хозяйства. А поскольку за пореформенный период обеспеченность населения зерном увеличилась примерно на 25%, а обеспеченность скотом сократилась почти на 35%, рост зернового производства в лучшем случае лишь компенсировал снижение уровня животноводства.

Между тем, если за полвека после отмены крепостного права объем сельскохозяйственного производства увеличился в два раза (сборы зерна в 2,0 раза³⁹, поголовье скота в 1,7 раза⁴⁰), то оборот внешней торговли вырос почти в семь раз. Опережая темпы развития сельскохозяйственного производства, экспорт сельскохозяйственной продукции еще более ухудшал продовольственное положение в стране. В 60-е годы XIX века чистый сбор зерна на душу населения за вычетом экспорта составлял 17,5 пуда, а в начале XX века 18,0 пуда.⁴¹ Если же исключить из этих показателей сведения о сборах и экспорте овса, который использовался главным образом для корма скота, то окажется, что накануне первой мировой войны чистый сбор продовольственного зерна составлял лишь около 16 пудов на человека. Много это или мало?

Современные физиологические нормы предусматривают потребление хлеба в пределах 160 кг, или же 10 пудов зерна, но они предполагают потребление 95 кг, или 6 пудов мяса, 160 кг или 10 пудов овощей, 95 кг, или 6 пудов картофеля, 480 кг или 30 пудов молока, 365 яиц.⁴² По данным крестьянских бюджетов конца XIX—начала XX века, рацион крестьянина включал в себя 3,9 пуда овощей, 1,5 пуда мяса, 8,4 пуда молока и только 38 яиц.⁴³ В этих условиях недостаток продуктов животного происхождения компенсировался за счет продуктов растительного происхождения, поэтому дореволюционная минимальная физиологическая норма потребления хлеба определялась в 18 пудов.⁴⁴ Это значит, что в начале XX века Россия производила продовольственного зерна только-только для того, чтобы обеспечить свои продовольственные потребности. Но осуществлявшийся по принципу «не доедим, но вывезем» экспорт вел

к тому, что потребление хлеба опускалось ниже положенной нормы.

Обобщенное представление об уровне жизни большей части населения страны дают сведения о национальном доходе. По расчетам Госплана, в 1913 г. он составлял примерно 17 млрд. руб.⁴⁵ Из них 3,4 млрд. руб. поступало в государственный бюджет⁴⁶, около 2,6 млрд. приходилось на доходы господствующих классов⁴⁷, а поэтому на потребление основной массы населения могло быть использовано максимум 11 млрд. При населении империи в 174 млн. человек это давало на душу населения не более 65 руб. в год. В это же время только на продовольственное содержание арестантов расходовалось примерно 30 руб.⁴⁸ В таких условиях дальнейшее понижение жизненного уровня не только вело к обострению социальной напряженности в стране, но и делало неизбежным как вырождение крестьянства⁴⁹, так и деградацию сельскохозяйственного производства. В результате, если в 70-е годы XIX века, когда была введена воинская повинность, из-за невозможности бравировалось 13% призывников, то в 90-е годы уже почти 20%.⁵⁰ Если в 1888—1891 гг. для военно-мобилизационных нужд считалось непригодным 57% крестьянских лошадей, то в 1912 г. — 64%.⁵¹ Одновременно менялся облик крестьянского хозяйства и облик самого крестьянина. Когда-то крестьянский двор представлял собою целый комплекс построек, в который входили изба, хлев, сарай, сеновал, амбар, овин, рига, баня, а в начале XX века он все чаще и чаще включал в себя только две-три постройки: избу, хлев и сарай.

Вот какой запомнил крестьянское хозяйство Центрально-черноземного района, середины XIX века известный дворянский литератор и видный царский сановник С. С. Бехтеев: «Просторная двойная изба с примыкающим к ней двором для нескольких коров, свиней, лошадей, трех-четырех десятков овец, для большого крестьянского инвентаря, состоявшего иногда из десятка тележных и санных запряжек, стольких же сох, борон и прочего домашнего скарба, имеющегося в изобилии. В соответствии этому многочисленная семья была обильно снабжена полущуками, рукавицами, валенками, армяками, душегрейками, шерстяными поневами и всеми прочими предметами обуви и одежды и в том числе прочным белым или узорчатым, дома набитым, холщевым бельем, перьевыми подушками, войлоками, попонами и т. п. Все это изготавлилось дома в течение зимних свободных от полевых работ месяцев. Мясо — баражина, свинина, ветчина, сало, птица, яйца, брага, пироги — были предметами обычными».⁵²

А вот в каком виде крестьянское хозяйство этого же района

представлялось ему в начале XX века: «Новейшая сельская картина центральных губерний такова: всего чаще маленькая убогая хата, в которой не живет, а прозябает, постепенно вырождающаяся от скучной растительной пищи, крестьянская семья, одетая в ситцевые фабричные отрепья; о прежних домашних войлоках и перинных подкладках нет уже помина, также, как и о тулупах, лишь один полушубок и валенки имеются в избе на всех ее обитателей; постелью служит голая лавка, под головой свернутый пиджак или ситцевая кофта, даже нет дерюги подослать на лавку; отвар воды с ничтожным количеством кислой капусты, картофель, пшененная каша и черный хлеб, смоченные этим отваром — вот обычная пища крестьянина центра. Для питья — белая отвратительная кислая жидкость от закваски ржаной муки, необходимая для предотвращения цинги; о мясе, сале, конопляном масле нет помина, это роскошь, доступная лишь 3—4 раза в году в большие праздники. Вечером среди избы горит, коптит наполненная керосином лампа, чаще всего без стекла. Домашняя утварь самая убогая, хозяйственного инвентаря ничтожное количество».⁵³

С. С. Бехтеев явно идеализировал крестьянское хозяйство накануне отмены крепостного права, но факт его деградации в пореформенный период не вызывает сомнения и подтверждается целым рядом других фактов. Если обычное крестьянское хозяйство когда-то имело двух-трех лошадей, и это считалось нормой, то в 1888—1891 гг. на территории 48 губерний Европейской России 27% крестьян вообще не имели рабочего скота, 29% имели по одной лошади, 33% — две-три лошади, 8% четыре-пять лошадей и только 3% более шести. В 1912 г. количество безлошадных увеличилось до 32%, до 32% увеличилось и количество однолошадных, зато удельный вес хозяйств с двумя-тремя лошадьми сократился до 30%, с четырьмя пятью лошадьми — до 4%, а многолошадных хозяйств — до 2%.⁵⁴ Таким образом в начале XX в. почти треть крестьянских хозяйств, по сути дела, имела пролетарский характер, еще третья находилась на разных стадиях разорения, а удельный вес среднего, зажиточного и богатого крестьянства постепенно сокращался: капиталистические мужики предпочитали вкладывать деньги в торговлю, ростовщичество, промышленность, а не в сельское хозяйство. Главная причина этого заключалась в том, что в качестве основных товаропроизводителей выступали средние и беднеющие крестьянские хозяйства, их товарность во многом имела вынужденный характер, а поэтому, как уже отмечалось, цены на сельскохозяйственные продукты стояли не только ниже стоимости, но и ниже себестоимости.

Таким образом, пореформенная Россия медленно, но неук-

лонно двигалась навстречу революции. Однако эта революция не могла быть простым повторением буржуазных революций, волна которых в XVII—XIX вв. прокатилась по странам Западной Европы. И дело заключалось не только в том, что в России к началу XX века уже существовал достаточно многочисленный рабочий класс, которого еще не было ни в Англии XVII в., ни во Франции XVIII в. Не менее, а может быть, даже и более важным было то, что индустриализация в России началась тогда, когда процесс первоначального накопления в деревне еще был далек от своего завершения и это соответствующим образом сказывалось на положении крестьянства.

Хорошо известно, что одним из следствий процесса первоначального накопления было зарождение и широкое распространение в низах общества уравнительно-передельческих настроений. В их основе лежал социально-психологический эффект, который условно можно назвать «эффектом очереди». Любая очередь — дитя дефицита. Чем острее дефицит, тем длиннее очередь. Чем длиннее очередь, тем меньше шансов у тех, кто стоит в ее «хвосте», получить хоть что-нибудь. И тогда именно здесь возникает требование: «Всем поровну!». И чем больше обделенных, чем меньше у них возможностей обеспечить свое существование прежними способами, тем сильнее и шире распространяются уравнительно-передельческие настроения.

Именно так в условиях кризиса экстенсивного сельского хозяйства в деревне складывается передельческая община, а затем в городе оформляется идеическое течение, получившее название «утопического социализма». Подобные идеи прослеживаются в Древней Греции и в Древнем Риме, они служили знаменем народных движений под руководством Яна Гуса в Чехии XV в., Томаса Мюнцера в Германии XVI в., диггеров в Англии XVII в., «заговора равных» во Франции XVIII в., революционных выступлений в Австро-Венгрии, Германии и Франции 1848—1849 гг. Под названием «народничества» утопический социализм получил широкое распространение в России 1861—1917 гг., в странах Азии, Африки и Латинской Америки XX в.⁵⁵

В конце концов процесс первоначального накопления вел к исчезновению передельческой общины, а промышленный переворот способствовал рассасыванию социальных противоречий в обществе. В результате этого в странах «первого эшелона» (например, в Англии) складывалась следующая ситуация: когда уравнительно-передельческие настроения имели широкое распространение в деревне, они не встречали «эсской поддержки в городе, а когда в городе складывалась рабочий класс, его уравнительно-социалистические стремления уже не находили поддержки в деревне. Именно о консервативность де-

ревии разбилась волна революции 1848—1849 гг. в Австро-Венгрии, Германии и Франции. Наоборот, в странах «второго эшелона», для которых было характерно совмещение эпохи первоначального накопления с эпохой промышленного переворота, складывалась возможность создания единого фронта между формирующимся рабочим классом и широкими массами крестьянства, которые были проникнуты уравнительно-предельческими настроениями и страдали от гнета помещиков, государства и буржуазии (как отечественной, так и иностранной).

В этих условиях в верхах российского общества постепенно складывается убеждение, что Россия идет к революции⁵⁶ и что она не будет похожа на те буржуазные революции, которые в свое время пережила Западная Европа. Отмечая вступление России в новое двадцатое столетие, одна из самых консервативных газет дореволюционной России «Московские ведомости» писала: «Кончился XIX век — век капитализма, начинается XX век — век социализма».⁵⁷ Эта же мысль лежала в основе докладной записки, которая была представлена в октябре 1905 г. Николаю II председателем Комитета министров С.Ю. Витте. Подчеркивая, что Россия стремительно идет к революционным ужасам, он предсказывал, что эти ужасы будут ужасами социализма.⁵⁸

*

Для того чтобы в 1905 г. царь согласился дать конституцию, потребовалось остановить почти все железные дороги и крупнейшие промышленные центры страны, а для признания необходимости радикальных изменений в деревне (столыпинская реформа) понадобилось, чтобы в 1905—1906 гг. крестьяне разгромили около двух тысяч помещичьих усадеб. Подготовке и проведению столыпинской аграрной реформы посвящена большая литература, однако многое здесь еще требует изучения. В частности, это касается работы созданного в 1902 г. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Оно должно было разработать программу подъема российской деревни, и одним из важнейших вопросов, который встал перед ним, был вопрос о крестьянской общине. В ходе его обсуждения наметились два диаметрально противоположных подхода: одни участники совещания настаивали на немедленной ликвидации общины (это хорошо известно), другие считали необходимым ее сохранение и преобразование в коллективное или же артельное хозяйство (это с удивительным упорством историки стараются не замечать).⁵⁹ В 1906 г. правительство отдало предпочтение первому варианту решения общинного воп-

роса. Но правительенная политика в этом направлении натолкнулась на сопротивление большей части прообщинно настроенного крестьянства и к началу первой мировой войны не дала значительных результатов. Поэтому когда в 1913 г. в Киеве был созван Первый Всероссийский сельскохозяйственный съезд и на него приглашены местные агрономы и землемеры, т. е. те, кто непосредственно проводил столыпинскую реформу в жизнь, они, не отказываясь от дальнейшего проведения этой реформы там, где это возможно, но отмечая ее недостаточную эффективность, признали необходимым встать в деревне на путь «организации товариществ для использования как собственной земли, так и арендованной путем коллективной обработки ее».⁶⁰

Трудно сказать, как именно развивались бы события дальше, если бы не началась первая мировая война. Она оказалась обременительной для всех воюющих стран, и прежде всего для России. Это отразилось уже на мобилизации людских ресурсов. За 1914—1917 гг. в России было призвано под ружье 18,6 млн. человек, что составляло более 40% всего трудоспособного мужского населения. В некоторых губерниях, особенно в деревне этот показатель достигал даже 50%.⁶¹ Произошло рассасывание аграрного перенаселения, и в деревне возник дефицит рабочей силы. Отвлечение от производства такой массы людей и необходимость их содержать за счет общества имели своим следствием сокращение объема производства и обострение продовольственной проблемы⁶². Продовольственный кризис был усугублен неспособностью транспортной системы обеспечить ритмическую перевозку как военных, так и гражданских грузов, в результате чего стали возникать перебои в снабжении сначала городов, а затем и армии.⁶³

В этих условиях правительство вынуждено было встать на путь ограничения прежней свободы торговли сельскохозяйственными продуктами и попыталось осуществлять предварительную закупку необходимых для армии продуктов по твердым ценам.⁶⁴ Одновременно с этим на местах предпринимаются самые разнообразные усилия, направленные на то, чтобы ликвидировать дефицит рабочей силы: используется труд военнопленных, создаются ученические и студенческие отряды, а в некоторых губерниях делаются попытки введения принудительного привлечения крестьян для уборки урожая на полях помещиков.⁶⁵ К решению продовольственной проблемы привлекаются местные земства, которые создают собственную организацию — Земский Союз. В конце 1916 г. эта организация разработала план проведения сельскохозяйственной кампании на следующий 1917 г., который знаменовал собою поворот в масштабах

всего государства к политике искусственного развития в деревне различных форм колективного хозяйства.

Для решения данного вопроса 22—24 ноября 1916 г. в Москве при Экономическом отделе Главного комитета Всероссийского Земского Союза было создано специальное Совещание. Констатируя то, что многие крестьянские хозяйства не имеют рабочих рук, скота и инвентаря для полного использования находящихся в их пользовании земель, Совещание прежде всего рекомендовало обратить особое внимание на создание в деревне «машинных артелей», «соединяющих коллективное владение машинами с коллективным ведением хозяйства», и предлагало: «В целях (рационального — А. О.) использования инвентаря и прочно организованной взаимопомощи отдельных домохозяев весьма желательно, чтобы нуждающиеся в инвентаре и рабочей силе хозяйства были соединены в хозяйственные группы с таким расчетом, чтобы инвентарь, рабочие руки и упряжная сила по возможности соответствовали площади землепользования группы».⁶⁶

В связи с этим следует обратить внимание на то, что именно в 1916 г., рассматривая «очередные задачи ведомства земледелия в связи с войной», Министерство земледелия поставило вопрос о необходимости для восполнения нехватки рабочих рук в деревне и введение тракторной обработки полей.⁶⁷ Данная проблема рассматривалась также на уровне Военного министерства, и было решено одновременно с мероприятиями по импорту тракторов приступить к созданию отечественного тракторостроения.⁶⁸ 23 ноября — 1 декабря 1916 г. вопрос о «мотокультуре» был вынесен на специальное обсуждение Чрезвычайного общего собрания Всероссийской сельскохозяйственной палаты, и оно постановило «приступить к разработке вопроса об артельной обработке земли при посредстве тракторов».⁶⁹ Таким образом, в конце 1916 г. не только Земский Союз, но и Всероссийская сельскохозяйственная палата предпринимают усилия для того, чтобы перевести вопрос о развитии в деревне коллективных форм хозяйств из теоретической в практическую плоскость.

Эти стремления встретили поддержку со стороны Московского общества сельского хозяйства и Союза кооператоров, и к концу февраля 1917 г. ими был подготовлен доклад «Неотложные мероприятия по земледелию в связи с народным продовольствием в 1917 г.» (от Земского Союза он был подписан членом его Главного комитета Г. Алексеевым, от Союза кооператоров товарищем председателя Комитета В. Хижняковым и двумя членами Московского общества сельского хозяйства А. Березовским и А. Стебутом)⁷⁰. В объяснительной записке к

этому докладу говорилось: «... Перед нами стоит задача: продолжать ли старую политику хозяйственной индивидуализации, ведущую к распылению труда и мало продуктивным его затратам или сделать все возможные в данный момент шаги в сторону групповой организации сельскохозяйственных работ».⁷¹ Сами авторы этой записки считали, что в аграрной политике необходимо сделать кругой поворот. Обосновывая необходимость такого поворота, они писали: «Перечисленные условия, перечень которых можно увеличить, неуклонно толкают Европу и Россию на путь национализации и кооператизации сельскохозяйственного производства. Таковая, вероятно, осуществляется в ближайшем будущем». Сам доклад и объяснительная записка были опубликованы на страницах «Вестника сельского хозяйства» 2/15 марта 1917 г.⁷²

Война заставила внести корректировки и в прежние представления о путях, темпах и формах дальнейшего промышленного развития страны. В частности, она поставила вопрос о необходимости максимальной мобилизации внутренних сырьевых ресурсов и придании этому процессу централизованного характера. Именно с такой идеей 21 января 1915 г. выступила группа академиков, во главе которой стоял В. И. Вернадский. Ими был поставлен вопрос о необходимости создания при Академии наук специальной Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Она должна была организовать целенаправленное обследование природных богатств страны и вырабатывать рекомендации по их практическому использованию.⁷³ Подобная комиссия была создана в 1915 г. и просуществовала до 1930 г., когда ее преобразовали в Совет по изучению производительных сил СССР.⁷⁴

Обращает на себя внимание то, что идея создания такой комиссии была выдвинута тогда, когда в стенах Совета съездов представителей промышленности и торговли шла работа по составлению специального доклада «О мерах по развитию производительных сил России». В докладе обосновывалась необходимость осуществления (для сохранения страной ее политической и экономической самостоятельности) промышленного рывка, который бы позволил России в течение ближайших десяти лет удвоить-троить промышленный потенциал.⁷⁵ Считая, что такой рывок невозможен без дальнейшего развития сельскохозяйственного производства, авторы доклада писали: «Русское сельское хозяйство может подняться только на плечах кооперации», при этом имелись ввиду все формы кооперации, в том числе и производственные.⁷⁶

Таким образом, в условиях войны среди представителей делового мира складывается убеждение в необходимости ускоре-

ния процесса индустриализации, а решение этой задачи связывается с переводом сельскохозяйственного производства на рельсы коопераций. К этому необходимо добавить, что именно в годы войны на страницах печати начинает рассматриваться вопрос о национализации промышленного производства⁷⁷ и о создании системы планирования экономического развития страны.⁷⁸ Иначе говоря, складывается направление, представители которого считали необходимым в интересах успешного завершения войны и форсирования процесса индустриализации перевести развитие страны на рельсы государственного капитализма и кооперации, по крайней мере расширить государственно-капиталистический сектор экономики. Конкретным примером этого может служить известная «программа Маниковского», предусматривавшая ограничение роли частного капитала в строительство 38 крупных казенных военных заводов. Реализация этой программы означала бы по меньшей мере удвоение государственно-капиталистического сектора в промышленности.⁷⁹

Однако пока шли эти поиски страна оказалась перед лицом революции. Если до 1914 г. революционный взрыв в России был возможен, война сделала его неизбежным. Уже в 1914 г. государственный бюджет был сведен с дефицитом примерно в 50%, а к осени 1917 г. он достиг 80%. Из 58 млрд. рублей, израсходованных с лета 1914 г. по осень 1917 г., за счет обыкновенных доходов было получено только 13 млрд., или же 23%. Следовательно, на 77% война велась в кредит. В результате этого государственный долг увеличился на 45 млрд. и достиг 55 млрд. руб.⁸⁰ Даже если сделать поправку на инфляцию, его объем в золотых рублях составил не менее 32 млрд. руб.⁸¹ А так как накануне войны обслуживание государственного долга составляло примерно 4,5% от суммы долга⁸², то к осени 1917 г. оно должно было требовать не менее 1,5 млрд. руб. Если же к этому добавить необходимость погашения части обязательств, особенно краткосрочных, то только по этой статье расходов государственный бюджет нужно было бы увеличить примерно на 2 млрд. руб. Между тем уже в 1913 г. государственные доходы аккумулировали 20% всего национального дохода страны. Следовательно, по окончании войны при сохранении прежнего объема национального дохода этот показатель должен был бы составить не менее 33%. Иначе говоря, рост государственного долга делал неизбежным еще большее усиление роли государства в распределении национального дохода по сравнению с рынком и еще большее отвлечение имевшихся внутри страны средств от нужд индустриализации. Одновременно с этим должно было

произойти (и в годы войны происходило) дальнейшее понижение уровня жизни населения.

Если начало войны вызвало в стране по крайней мере всплеск патриотизма, то уже к лету 1915 г. началось отрезвление. Этому в значительной степени способствовали те жертвы, которые несла армия. Всего за время войны было мобилизовано 18,6 млн. чел., из них 16,6 млн. в действующую армию. За 3 года около 2 млн. чел. погибло на поле боя и умерло от ран, почти 4 млн. были демобилизованы из-за инвалидности и по болезни, еще 5,1 млн. оказались в плену или же пропали без вести. Итого, две трети от общего числа призванных в действующую армию. Что же касается остальных 5,8 млн. чел., то среди них из года в год все большее и большее распространение получило дезертирство. По одним данным, к осени 1917 г. численность дезертиров составляла 0,5 млн.⁸³, по другим 2,0 млн. чел.⁸⁴ В любом случае это означало, что внутри страны формировалась и численно росла совершенно новая сила: сотни тысяч вооруженных мужчин, не желавших защищать существовавший политический строй, знавших, что их ждет военно-полевой суд и по этой причине способных на самые крайние действия. В таких условиях возможная до начала первой мировой войны революция стала неизбежной. А Февральская революция не могла не быть лишь прелюдией к Октябрьской революции.

Пришедшая к власти русская буржуазия, не могла решить ни один коренной вопрос революции и тем самым внести успокоение в народные массы. Прежде всего, прикованная цепями зависимости к странам Антанты, она не могла в одностороннем порядке выйти из войны и заключить с Германией мир. Поскольку большая часть дворянских земель к 1917 г. уже находилась в руках городской и формирующейся сельской буржуазии, а общий ипотечный долг составлял около 3,5 млрд. руб.⁸⁵, русская буржуазия не могла пойти на конфискацию помещичьих земель и безвозмездную их передачу крестьянству. По данным переписи 1908 г., промышленность России тащала доход примерно в размере 15% на вложенный капитал⁸⁶. Сокращение рабочего дня до восьми часов при сохранении прежней заработной платы, а также улучшение условий труда и введение социального обеспечения должно было понизить рентабельность промышленного производства по меньшей мере до 5—7,5% и сделать его невыгодным для помещения капитала, а многие предприятия поставить на грани разорения. Не могла русская буржуазия пойти и на предоставление насеявшим страну народам права на самоопределение. Так как русский народ составлял лишь около половины всего населения России⁸⁷, разрушение российской империи должно было бы повести

к сужению сферы эксплуатации других народов русской буржуазией. А кроме того поскольку уже существовало территориальное разделение труда, обособление отдельных территорий бывшей российской империи лишило бы многие отрасли промышленности центральных губерний дешевой сырьевой базы.

Эти и некоторые другие причины вели к тому, что Временное правительство быстро теряло тот кредит доверия, который оно получило у населения страны в первые дни Февральской революции. Одновременно с этим происходило падение авторитета поддерживавших его социалистических партий (эсеров и меньшевиков) и возрастало влияние партии большевиков. С первых же дней революции она провозгласила необходимость выхода из войны, конфискации помещичьих земель, передачи всей полноты власти в руки народа в лице Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, введения восьмичасового рабочего дня там, где это возможно, предоставление права нациям на самоопределение, национализации банков и некоторых отраслей народного хозяйства, аннулирования государственного долга, введение рабочего контроля над производством и т. д. Подчеркивая в своей агитации, что все эти меры выходят за рамки капитализма и означают начало социалистической революции, партия большевиков и до, и после 25 октября 1917 года неоднократно отмечала, что она не считает возможным немедленный переход России к социализму и видит в качестве пути к этому перевод развития экономики на рельсы государственно-регулируемого хозяйства, т. е. на рельсы государственного капитализма⁸⁸. Если отвлечься от сложившихся стереотипов, нетрудно заметить: подобная программа могла встретить поддержку не только со стороны широких слоев рабочего класса и крестьянства, но и со стороны национальной буржуазии окраин России, а также со стороны той части правящей бюрократии, офицерства и даже представителей делового мира, которые считали необходимым прекращение войны, перевод экономики на рельсы государственного капитализма и ликвидацию крупного землевладения.

В связи с этим заслуживает особого внимания та экономическая программа, которая была разработана Исполнительным комитетом Петроградского Совета и одобрена им 16 мая 1917 г. В ней говорилось: «От анархического производства, от частных синдикатов настало время перейти к работе народнохозяйственного организма по заданию государства, под его контролем и даже прямым руководством. Частный предприниматель и торговец должен быть ограничен в сфере извлечения прибыли и самого направления своей частнохозяйственной деятельности». Для достижения этого предполагалось осуществить при-

нудительное трестирование, а также использовать для мобилизации трудовых ресурсов всеобщую трудовую повинность⁸⁹. По словам Н. Н. Суханова, эта программа предусматривала осуществление почти всех тех мер, которые позднее составили основу политики «военного коммунизма»⁹⁰. А поскольку социализм предполагает полную демократизацию общества — распределение по труду, ни к коммунизму, ни к социализму эта политика, разумеется, не имела никакого отношения и представляла собою лишь один из вариантов перевода экономики страны на путь государственного капитализма.

Экономическая программа Петроградского совета встретила возражение со стороны Временного правительства и послужила одной из причин отставки А. И. Коновалова с поста министра торговли и промышленности⁹¹. Однако заменивший его на этом посту В. А. Степанов уже в июне 1917 г. представил Временному правительству записку, в которой предложил незамедлительно приступить к принудительному синдикализации промышленности и торговли, т. е. к частичной реализации экономической программы Петроградского совета⁹². Для обсуждения его записки 1 июля было созвано неофициальное совещание, участники которого раскололись в своем отношении к данному вопросу⁹³. Это свидетельствовало о том, что рассчитывать на поддержку в правительственные сферах и в широких кругах предпринимателей не приходилось, но более важно другое: часть предпринимателей к идеи принудительного синдикализации отнеслась положительно. Среди сторонников такой политики, в частности, был один из руководителей Петербургского международного коммерческого банка А. П. Мещерский⁹⁴.

Неудивительно поэтому, что Советское правительство с самого же начала получило поддержку в высших слоях русского общества. Из 200 тыс. офицеров старой армии после Октябрьской революции 30% отошли от всякой политической деятельности, 40% влились в белое движение, а 30% составили основу офицерского корпуса Красной Армии⁹⁵. Проведенное в 1918 г. обследование центральных учреждений Советской власти обнаружило прежних чиновников во всех комиссариатах, причем в некоторых из них прежние чиновники составляли более половины всех советских служащих⁹⁶. В первую очередь это были, конечно, представители низшего и среднего слоев чиновничества, но Советской власти удалось привлечь на свою сторону и многих представителей высшего слоя дореволюционной бюрократии и делового мира. Касаясь этого вопроса, Г. В. Чичерин в одном из своих интервью отмечал: «Бывшие крупные капиталисты и даже царские министры всегда играли у нас большую роль в наших центральных учреждениях. Если боль-

шая часть этих элементов широко бойкотировала и продолжает бойкотировать нас, то это — их вина, а не наша»⁹⁷. Возникает вопрос: когда же именно большевики смогли получить эту поддержку? После того, как пришли к власти? Или же в преддверии событий 25 октября 1917 года? Иначе говоря, не предпринимала ли партия большевиков попытку найти общий язык по крайней мере с частью офицерства, чиновничества и представителей делового мира еще накануне этих событий?

В связи с этим несомненный интерес представляют воспоминания одного из руководителей Военной организации ЦК РСДРП(б) К. Механошина. «В овладении центральными военными учреждениями, — писал он, — особенно полезным оказалось именно наличие и в них некоторого актива нашей военной партийной организации. Впоследствии мы имели возможность неоднократно убедиться в исключительной важности того, что военная организация сумела проникнуть своими щупальцами не только в войсковые части и на военные склады, но и в такие учреждения, как Генеральный и Главный штабы. В других центральных учреждениях — интендантском, квартирном и особенно в ГАУ (Главное артиллерийское управление, возглавляемое А. А. Маниковским — А. О.) — мы имели не только единичных товарищей, но даже целые ячейки, члены которых в дальнейшем сыграли чрезвычайно большую роль. Нужно сказать, что работники военного отдела Петерского Совета в свою очередь уже по линии чисто советской также были связаны со многими из центральных органов Военного министерства и Штаба военного округа»⁹⁸.

Исследователям еще предстоит выяснить, насколько широко «щупальцы» Военной организации большевиков охватывали центральные учреждения Военного министерства, но уже сейчас можно утверждать, что в этих учреждениях она имела поддержку среди самых влиятельных лиц. «После июльских дней, — вспоминал другой видный деятель «Военки» М. С. Кедров — генерал Н. М. Потапов, помощник начальника Главного штаба и генерал-квартирмейстер, предложил через меня свои услуги Военной организации большевиков (и оказывал их)»⁹⁹. Николай Михайлович Потапов позднее не только признавал сам факт своего знакомства с М. С. Кедровым и Н. И. Подвойским (являвшимся в октябрьские дни 1917 г. председателем Военно-революционного комитета и одним из руководителей восстания), но и сообщал о своих встречах с ними в своем служебном кабинете, т. е. в Генеральном штабе, еще до прихода партии большевиков к власти¹⁰⁰.

Данный факт имеет особое значение. Прежде всего нельзя не обратить внимание на то, что свое предложение о сотрудни-

стве с «Военкой» генерал-лейтенант Н. М. Потапов сделал разу же после того, как против большевиков с подачи контрразведки Петроградского военного округа и Министерства юстиции была развернута широкомасштабная компания, а ее лидерам предъявлено обвинение в сотрудничестве с германским Генеральным штабом, т. е. с германской разведкой. В этих условиях трудно было предвидеть, что через три месяца большевики привут к власти, а поэтому объяснить поступок Н. М. Потапова чисто корыстными соображениями никак нельзя. Более того, после июльских событий такой шаг был даже проявлением му- революционном, ни в политическом движении он не участво- ал? Этот шаг вызовет еще больше недоумений, если учесть, то по должности как генерал-квартирмейстер Н. М. Потапов возглавлял контрразведку Генерального штаба¹⁰¹.

Получается, что в один из самых критических моментов в истории партии большевиков она получила предложение о сотрудничестве со стороны человека, который не просто принадлежал к числу руководителей русской армии, но и возглавлял одно из важнейших ведомств Военного министерства. Совершенно невероятно, чтобы в таких условиях Н. М. Потапов, за- линой которого был длительный опыт работы в русской раз- ведке за рубежом, пошел на сотрудничество с большевиками чисто личным мотивам, на свой страх и риск. Вероятнее всего, за его спиной стояли определенные силы в руководстве армии, государственном аппарате и деловом мире, которые счи- тали необходимым прекращение войны, проведение внутри стра- бы радикальных реформ и перевод развития экономики наельсы государственного капитализма.

А поэтому предложение генерала Н. М. Потапова следует рассматривать как предложение именно этих сил о сотрудничестве с большевиками. В связи с этим получают объяснение такие факты как: прекращение уже в сентябре 1917 г. следствия по делу об участии большевиков в июльских событиях, освобожде- ние из тюрем почти всех арестованных по этому делу, порази- тельная бездеятельность военного руководства в октябрьские дни 1917 г., финансирование командующим Северного фронта генералом Черемисовым большевистской газеты «Наш путь», противодействие попыткам А. Ф. Керенского использовать части Северного фронта для подавления Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде¹⁰², невероятная легкость, с которой партия большевиков, придя к власти, обеспечила переход на сторону советского правительства служащих центральных учреждений Военного министерства и армии, в том числе более 700 генералов¹⁰³.

Есть основания предполагать, что, готовясь к завоеванию власти, партия большевиков вела переговоры и с определенной частью делового мира. После окончания гражданской войны косвенно на это указывал сам В. И. Ленин: «Если ктопомнит,— отмечал он,— что было в октябре 1917 г., или если кто тогда был политически незрелым и ознакомился потом с положением, которое было в 1917 г., то он знает, какую массу компромиссных предложений делали тогда большевики по отношению к буржуазии. Они говорили: «Господа, у вас дело разваливается, а мы у власти будем и ее удержим. Не угодно ли вам обдумать, как вам, выражаясь по-мужицки, без скандала это уладить». И если бы господа капиталисты в октябре 1917 г. приняли наши предложения, они имели бы в пять раз больше, чем имеют»¹⁰⁴. По всей видимости, в данном случае В. И. Ленин, прежде всего имел в виду зондирование почвы для соглашения с частью представителей делового мира, поиски которого предпринимались в предверии Октябрьской революции, а в качестве одной из сфер обсуждения его условий использовалась периодическая печать. Но подобное зондирование партия большевиков могла производить и на персональном уровне. В этом отношении она несомненно, могла использовать те личные связи, которые существовали у отдельных ее представителей в деловых кругах. А эти связи, судя по всему, имели выход на самые влиятельные слои финансово-промышленной олигархии дореволюционной России. Вот только несколько примеров.

Будущий нарком финансов и председатель ОГПУ Вячеслав Рудольфович Менжинский до лета 1917 г. работал в парижской конторе одного из крупнейших банков Франции «Лионский кредит»¹⁰⁵, а его брат Александр Рудольфович принадлежал к числу руководителей Средиенного банка¹⁰⁶. Николай Болеславович Эйсмонт, явившийся в годы гражданской войны помощником Л. Б. Красина по снабжению Красной армии, до революции состоял секретарем Правления Южно-Уральского горного общества, в состав которого входил видный английский предприниматель Лесли Уркарт¹⁰⁷. Муж Анны Ильиничны Ульяновой Марк Тимофеевич Елизаров занимал пост директора «Первого пароходного общества по Волге»¹⁰⁸. Один из первых авторов идеи перевода российской экономики на путь планового хозяйства Михаил Иванович Боголепов¹⁰⁹ до 1917 г. входил в Правление Сибирского торгового банка¹¹⁰. Среди служащих этого Правления был Дон Маркович Соловей, который в октябрьские дни 1917 г. «по заданию Военно-революционного комитета организовал изъятие автопарка из гаража Временного правительства и накануне восстания передал весь автопарк в распоряжение штаба восстания», а также «участвовал

во взятии Зимнего дворца, почты — главного телеграфа, Госбанка»¹¹¹. Исидор Эммануилович Гуковский, исполнявший в 1917 г. обязанности казначея ПК партии большевиков, а в 1918 г. сменивший В. Р. Менжинского на посту наркомфина, сам являлся нефтепромышленником¹¹². Николай Васильевич Мешков, служивший после революции в наркомате путей сообщения, обладал состоянием в несколько миллионов рублей и с начала 900-х годов оказывал социал-демократам, в том числе и большевикам, финансовую помощь¹¹³.

Еще больший интерес в этом отношении представляет фигура Леонида Борисовича Красина. Когда-то он входил в состав ЦК РСДРП и был казначеем партии¹¹⁴, а с 1908 г. от прежней активной политической деятельности вынужден был отойти. В 1917 г. он принадлежал к числу руководителей таких крупных фирм, как «Сименс», «Электрическая сила», «АО механических, гильзовых и трубочных заводов П. В. Барановского»¹¹⁵. Распространено мнение, что в 1908—1917 гг. Л. Б. Красин был совершенно далек от политики и только после Октябрьской революции его удалось привлечь к сотрудничеству с Советской властью. Однако эти представления нуждаются в корректировке. Есть сведения, что весной 1917 г. он принимал видное участие в создании газеты «Новая жизнь», которую финансировал один из руководителей Сибирского торгового банка Э. К. Груббе, а редактировал А. М. Горький¹¹⁶. Известно также, что в 1917 г., как минимум дважды (не позднее конца апреля — начала мая на заводе П. В. Барановского¹¹⁷ и в конце мая на своей квартире в Царском Селе¹¹⁸), Л. Б. Красин встречался с В. И. Лениным. Пока неизвестно, чем именно были вызваны эти встречи и какие вопросы в ходе них обсуждались, но нельзя не обратить внимание, что после них, в июне 1917 г. Л. Б. Красин счел необходимым отправить свою семью за границу сначала в Норвегию, затем в Швецию, обставив ее пребывание там некоторой секретностью¹¹⁹. Складывается впечатление, что он или уже был причастен или же готовился к участию в каких-то крупных политических событиях. В связи с этим несомненный интерес представляет свидетельство связного В. И. Ленина Эйно Рахы о том, что среди участников расширенного заседания ЦК РСДРП(б) в Лесном (по одним данным, 15-го, по другим, 16-го октября), на котором окончательно был решен вопрос о вооруженном восстании, присутствовал и Л. Б. Красин¹²⁰.

Нельзя не обратить внимание и на то, что даже в 1917 г., т. е. тогда, когда партия большевиков уже провозгласила курс на социалистическую революцию, она продолжала получать финансовую поддержку со стороны некоторых представителей делового мира. Из протоколов VI съезда РКП(б) яствует, что к

концу апреля 1917 г. в кассе Центрального комитета официально имелось 9,6 тыс. руб. За май—июль было получено еще 61,5 тыс., из которых 50,6 тыс. приходилось на сборы среди рабочих и пожертвования. Причем самое крупное пожертвование — 33 тыс. руб., или же 55% всех денежных поступлений за эти три месяца — было сделано неким Лесснером¹²¹. В адресной книге «Весь Петербург на 1917 г.» фигурирует только один Лесснер — Артур Густавович, акционер завода «Г. А. Лесснер» и совладелец фирмы «Ноблеснер»¹²². Был ли кредитором большевистского ЦК он сам или кто-нибудь из его родственников или же им являлся его однофамилец, остается неизвестным. Бессспорно одно: столь крупное единовременное пожертвование мог сделать только состоятельный человек.

Другой пример. К числу крупнейших большевистских издательств, сыгравших в 1917 г. важную роль в идеологической подготовке Октябрьского вооруженного восстания, принадлежало издательство «Жизнь и знание». Хорошо известно, что его руководителем был видный большевик, позднее первый управляющий делами Совета народных комиссаров Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич¹²³. Но вне поля зрения исследователей остается тот факт, что этим издательством он владел совместно со знаменитым «табачным королем» дореволюционной России Е. Ю. Шапшалом¹²⁴, совладельцем табачной фабрики «Братья Шапшал»¹²⁵. В августе 1917 г. их компаньоном стал директор этой фабрики М. С. Ага¹²⁶, внесший в кассу издательства сравнительно крупную сумму — 200 тыс. руб.¹²⁷ Оба приведенные выше факта свидетельствуют, что готовясь к завоеванию власти, партия большевиков имела некоторую поддержку как в руководстве русской армии, так и среди части представителей делового мира.

С учетом этого представляется плодотворной постановка вопроса о существовании в России такого социального явления как национал-большевизм¹²⁸. Его корни следует искать не в «сменевшемся» 20-х гг. и не в драматических событиях Германии 1919 г., как считают некоторые авторы, а значительно раньше. В этом отношении прежде всего заслуживает исследования то направление в славянофильстве, которое еще в XIX веке не только искало особый путь для того, чтобы Россия могла миновать капитализм, но и пыталось связать эти поиски с необходимостью особого варианта индустриализации нашей страны. Несомненную роль в формировании национал-большевизма сыграло распространение накануне и особенно в годы первой мировой войны убеждений в целесообразности перевода сельского хозяйства на путь развития кооперации, а промышленности на путь развития государственного капитализма. Та национальная

катастрофа, перед лицом которой оказалась Россия в 1917 г., и неспособность русской буржуазии (в своем большинстве) предотвратить ее приближение создавали объективную основу для заключения временного соглашения между партией большевиков и нарождавшимся национал-большевизмом. Идея а такое соглашение обе стороны рассматривали его как временное. Партия большевиков видела в нем прежде всего средство завоевания и удержания власти для развязывания мировой социалистической революции, а представители рождающегося национал-большевизма смотрели на большевиков как на ударную политическую силу, способную, опираясь на широкие слои народа, устранить те препятствия, которые сдерживали развитие России, обеспечить завершение индустриализации и сохранить Россию как сильную и самостоятельную в политическом отношении державу. И если в 1917 г. национал-большевизм представлял собою незначительное политическое течение, то после установления Советской власти его ряды стали быстро расти и большевизм сам стал переходить на позиции национал-большевизма. .

*

Итак, в том, что осенью 1917 г. партия большевиков пришла к власти, не было ничего удивительного. Но то, что, сделав ставку на мировую социалистическую революцию и не получив поддержки со стороны рабочего класса других стран, большевики смогли удержаться у власти, не может не вызывать удивления. Действительно, царская Россия, располагавшая в 1914 г. промышленным потенциалом, который почти в пять раз превосходил промышленный потенциал Советской России в 1920 г., и получавшая на протяжении всей войны финансовую и материально-техническую поддержку со стороны стран Антанты, не смогла противостоять натиску австро-германских войск. А Советская Россия, располагавшая меньшим экономическим потенциалом и, как считается, находившаяся в полной политической и экономической изоляции, сумела не только подавить внутреннюю контрреволюцию, но и отбить интервенцию, организованную теми самыми странами Антанты, которые к этому времени смогли стереть с политической карты мира Австро-Венгерскую империю и поставить на колени Германию. Это особенно удивительно, потому что Россия не могла обеспечивать свои потребности в некоторых видах стратегического сырья, без которых невозможна была работа военной промышленности. Так, до начала первой мировой войны она импортировала 15% меди, 75% цинка, 97% свинца и почти 100% олова¹²⁹.

Попытка Военного министерства сделать к началу войны запас цветных металлов на два года¹³⁰ не увенчалась успехом и

уже во второй половине 1914 г. Россия стала испытывать острый дефицит даже тех видов сырья, которыми до этого была обеспечена сравнительно неплохо. В частности, дефицит меди, составлявший накануне войны 15%, в 1915 г. увеличился до 60%, а в 1916 г. до 70%¹³¹. В результате этого к 1917 г. наша страна почти полностью зависела от импорта цветных металлов и во время войны тоже оказалось невозможным создать, хотя бы небольшой их запас.

Когда в феврале 1918 г. была сделана попытка определить степень обеспеченности страны цветными металлами на текущий год оказалось, что план закупки меди на этот год был выполнен примерно на 80%, цинка — на 52%, никеля — на 20%, ферросилиция — на 15%, олова — на 2,5%, а свинца — на 0%¹³². Следовательно, если бы уже в 1918 г. Советская Россия оказалась в экономической изоляции, то военная промышленность должна была бы остановиться буквально в течение нескольких месяцев. Особенно это касается производства патронов. Однако несмотря на резкое сокращение объемов производства, военная промышленность Советской России продолжала работать на протяжении всей гражданской войны¹³³.

Из этого явствует, что по крайней мере часть необходимого ей промышленного сырья Советская Россия все-таки получила. Одним из источников его поступления могло быть исполнение иностранными фирмами тех контрактов, которые были подписаны до 25 октября 1917 г. и сохраняли свою юридическую силу до открытого объявления экономической блокады Советской республики зимой 1918—1919 гг.¹³⁴ Часть сырья могли ввозить в Россию из-за границы те крупные промышленные предприятия, которые работали на оборону, принадлежали иностранцам и специально не были национализированы.

В качестве примера можно указать на американские предприятия. Касаясь их судьбы, М. М. Литвинов в одном из своих интервью отмечал: «Из немногих американских предприятий в России три главных ускользнули от национализации»¹³⁵. Это были завод по производству швейных машин Зингер, завод сельскохозяйственного машиностроения в Люберцах¹³⁶, принадлежавший Международной жатвенной компании — «Интернейшил харверстер компани», и завод по производству железнодорожных тормозов и электрооборудования фирмы «Вестингауз»¹³⁷. Все три предприятия в годы первой мировой войны выполняли военные заказы и на протяжении гражданской войны финансировались их бывшими владельцами, которые должны были сами заботиться и о их снабжении сырьем. В этой связи следует отметить, что до осени 1917 г. фирма «Вестингауз» являлась одним из крупнейших поставщиков оружия в Россию¹³⁸, поэтому когда произошла революция, было принято решение продлить с нею

прежние договоры¹³⁹, а летом 1918 г., когда интервенция уже имела открытый характер, ВСНХ дал согласие на расширение производственных мощностей завода фирмы «Вестингауз» в России и передал ей в аренду завод военных заготовлений (бывший Щетинина) в Ярославле¹⁴⁰.

Однако военная промышленность Советской России не могла полностью обеспечить потребности Красной Армии. За 1918—1919 гг. она дала 764 орудия, 0,7 млн. снарядов, 0,7 млн. винтовок и 417 млн. патронов¹⁴¹. Между тем только за полтора года с лета 1918 до конца 1919 г. Красная Армия получила 3232 орудия, 5,9 млн. снарядов, 2,1 млн. винтовок и 1240 млн. патронов¹⁴². Даже если допустить, что к началу 1920 г. были использованы все имеющиеся запасы — а они на 10 апреля 1918 года составляли 977 орудий, 2,4 млн. снарядов, 1,2 млн. винтовок и 512 млн. патронов¹⁴³, — все равно окажется, что, по крайней мере, часть оружия и боеприпасов Советская страна должна была получить из каких-то других источников. А так как боеспособность Красной Армии к началу 1920 г. была значительно выше, чем в 1918 г. и ее арсеналы отнюдь не были пусты, то роль этих источников должна была быть еще более значительной. Один из них хорошо известен, хотя его роль в снабжении Красной Армии до сих пор выяснена явно недостаточно, — это трофеи. Но основной поток трофеев потек на склады Советской республики, главным образом начиная со второй половины 1919 г. Откуда же Красная Армия получала другую часть необходимого ей оружия и боеприпасов, которые не могла ей дать отечественная военная промышленность? Не из-за рубежа ли?

Следует признать, что в отношении к Советской России Запад никогда не был един, более того не была едина в данном вопросе и буржуазия отдельных стран. Прежде всего следует отметить, что, по крайней мере, до весны 1918 г. Советское правительство вело официальные и неофициальные переговоры о военной помощи с правительствами стран Антанты. «Когда явились возможность разрыва мирных переговоров (с Германией — А. О.), — отмечал Л. Д. Троцкий на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г., — союзные правительства наперебой предлагали признать Советскую власть, дабы мы вели войну дальше, предлагали также платить жалование добровольческой армии»¹⁴⁴. Эти переговоры продолжались и позднее. Речь шла об экспорте в Советскую Россию оружия и боеприпасов, об использовании для создания Красной Армии иностранных военных инструкторов. Эти переговоры были прерваны только в мае — июне 1918 г.¹⁴⁵

Но именно в это время подобные же переговоры начинаются

с Германией. «Ведя сложную дипломатическую игру, — пишут авторы книги «Так начинался наркоминдел», — Берлин делает ряд предложений, которые еще недавно были абсолютно немыслимы: Россия поставляет Германию нефть, а в качестве ответного шага Германия повлияет на Турцию, чтобы она остановила свое наступление на Баку. Германия продает России оружие, а она предпринимает меры, чтобы не допустить объединения белохехов с донскими казаками в их борьбе на стороне Антанты»¹⁴⁶. 25 июля 1918 г. в стенах германского Генерального штаба появляется специальная записка о необходимости заключения военного союза Германии и Советской России, а в ночь с 1 на 2 августа 1918 г. этот вопрос становится предметом дипломатических переговоров¹⁴⁷. Мы до сих пор не имеем представления о том, как именно они протекали и чем завершились. Но есть основания утверждать, что, по крайней мере, к 10 августа соглашение о поставке оружия из Германии в Советскую Россию было подписано.¹⁴⁸

Обнаруженные в архиве Департамента внешней торговли ведомости о взыскании таможенных платежей за 1918 г. свидетельствуют, что военные грузы поступали в Россию из-за рубежа на протяжении 11 из 12 месяцев¹⁴⁹. Но если в 1918 г. до объявления экономической блокады они могли поступать открыто, то с конца 1918 г. Советская Россия должна была встать на путь контрабандной торговли. О том, что на протяжении 1919 г. такая торговля действительно велась свидетельствует доклад Народного комисариата торговли и промышленности, представленный в декабре 1919 г. VII Всероссийскому съезду Советов. В нем говорилось: «В заботах о доставке из-за границы предметов первой необходимости для хозяйственной жизни России Наркомпромторгу при создавшихся политических осложнениях пришлось остановиться на мероприятиях, направленных к осуществлению в возможно широких размерах ввоза товаров на контрабандных началах»¹⁵⁰. Один из заместителей Л. Б. Красина как наркома промышленности и торговли Г. А. Соломон так позднее себя и называл: «нарком контрабанды»¹⁵¹. О возможных масштабах подобной торговли свидетельствует «импортный план» на вторую половину 1919 г., предусматривавший закупку за границей товаров на сумму в 32,9 млрд. руб.¹⁵² По свидетельству Г. А. Соломона, важную роль в налаживании контрабандной торговли в годы гражданской войны сыграл Центросоюз, который для этой цели в декабре 1918 г. отправил в США специальную делегацию во главе с А. М. Беркенгеймом¹⁵³. Задача историков заключается в том, чтобы не только выяснить реальные масштабы внешней торговли советского государства в 1917–1920 гг., но и установить, какие именно фи-

нансо-промышленные круги выступали в качестве его партнеров.

В связи с этим радикального пересмотра требуют сложившиеся представления о характере иностранной интервенции против Советской России. Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что на протяжении всей гражданской войны Советское правительство формально не находилось в состоянии войны ни с одним из государств, участвовавших в интервенции¹⁵⁴. Факт, имеющий принципиальное значение. Если в условиях официально объявленной войны между двумя странами контрабандная торговля между ними — это государственное преступление, то в условиях, когда две воюющие страны формально не находятся в состоянии войны, контрабандная торговля в крайнем случае может рассматриваться лишь как экономическое преступление. Следовательно, посыпая свои войска в Советскую Россию, но не объявляя ей войны, страны Антанты тем самым оставляли открытой возможность контрабандного снабжения Советской России извне.

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что численность экспедиционных войск в России составляла лишь несколько сот тысяч человек, в то время как численность Красной Армии к концу 1918 г. превысила 1 млн., а к концу 1920 г. 5 млн. чел. Показательно и то, что находившиеся в России войска интервентов (за небольшим исключением) не принимали активного участия в наступательных операциях и выполняли, главным образом, карательные функции и функции, связанные с охраной железных дорог, портов, складов и т. д. Требует выяснения и судьба направленных в Россию военных грузов. Далеко не все, что было предоставлено белым правительствам, достигло России, далеко не все, что было доставлено, передано в действующую армию, а очень многое вообще оказалось в руках Красной Армии.

Весной 1919 г. известный кадет Н. И. Астрон с возмущением писал своему другу Н. Н. Щепкину: «С французами случилось нечто непостижимое. Из наших наиболее преданных друзей, они, если судить по поведению их представителей на Юге, обратились в наших врагов. Прежде всего они самым отвратительным и глупым образом повели компанию против Добровольческой армии в Одессе... Еще до этого они самым постыдным образом сдали большевикам Херсон, Николаев с громадным снаряжением и кораблями, не позволив Добровольческой армии вывести имущество, принадлежавшее русскому государству... В Одессе даром без боя сданы большевикам громадные имущества и груз, только что пришедший с Востока на транспорте «Шилки». В январе 1920 г. первый секретарь русского посольства в Лондоне сообщал в Архангельск: «Даже самая расположенная к нам часть английского общественного мнения находит, что бес-

полезно посыпать нам военные припасы, раз они рано или поздно переходят к большевикам»¹⁵⁵.

О том, какую именно роль играл этот источник в снабжении Красной Армии, судить пока трудно. Можно лишь привести несколько конкретных фактов, свидетельствующих, что эта роль была немаловажной. Так, когда в конце 1919 г. Красная Армия вошла в Новороссийск, на рейде стояли десятки неразгруженных судов, а на железнодорожных путях тысячи вагонов. По утверждению Ф. Д. Болкова, тогда же в руки Красной Армии попала «большая часть» военного имущества, закупленного за границей Колчаком¹⁵⁶. Правомерно поставить вопрос: насколько столь крупные трофеи Красной Армии были связаны с ее победами на фронтах, а насколько сыграл свою роль вполне возможный скрытый саботаж в лагере белогвардейцев? В любом случае иностранная интервенция против Советской России очень напоминает ту «странную войну», которую вела Англия против Германии накануне 1941 г. Было ли это связано с тем, что внутри антантовской буржуазии не оказалось единства в русском вопросе и борьба между разными группировками парализовала ее политику или же в данном случае имела место сложная и пока не совсем ясная дипломатическая игра, — это еще предстоит выяснить.

Кто же поддерживал Советскую Россию за рубежом? Прежде всего это могли быть германские фирмы и банки, а также германские правительственные круги, которые первоначально были заинтересованы в том, чтобы вывести Россию из войны, а затем в том, чтобы использовать российскую экономику для получения тех видов сырья и продовольствия, которых не хватало в Германии. Широко известно, что после заключения Брестского мирного договора была сделана попытка создать гигантский консорциум для экономического сотрудничества с Советской Россией, который планировал вложить в Россию около 2 млрд. марок¹⁵⁷. Летом 1918 г. Германия потерпела сокрушительное поражение, и уже к началу осени исход войны был окончательно решен. В этих условиях Советская Россия нужна была Германии для того, чтобы использовать ее как определенное средство давления на переговорах в Версале. Существование Советского государства, находящегося в огне интервенции, делало вполне реальным в случае предъявления Германии чрезмерных условий мира прекращение этих переговоров, заключение военного союза с Советской Россией и возобновление войны¹⁵⁸. Германия оставалась заинтересованной в сохранении Советской России и после подписания Версальского мирного договора, надеясь и пытаясь использовать сотрудничество с нашей страной

(особенно в военной области) для того, чтобы обойти целый ряд условий Версальского мирного договора¹⁵⁹.

Советская Россия могла получить поддержку и со стороны определенной части американской финансовой олигархии. Здесь прежде всего следует иметь в виду, что к 1917 г. американские капиталовложения в экономику России были невелики, а поэтому и национализация основных отраслей экономики, и аннулирование займов не могли причинить США значительного ущерба, зато они наносили достаточно сильный удар по американским конкурентам и открывали простор для проникновения американского капитала в Россию уже на новых условиях. Показательно, что наиболее крупные американские предприятия не только не были национализированы, но и работали на оборону. В связи с этим следует обратить внимание, что во главе «Международной жатвенной компании» стоял Сайрус Мак-Кормик, который находился в родственных отношениях с Джоном Рокфеллером, а Венси Мак-Кормик именно в это время возглавлял одно из ведомств военного министерства США¹⁶⁰. Показательно, что весной 1918 г. в США была создана специальная организация — «Американская лига помощи и сотрудничества с Россией» (American League to Aid and Cooperate with Russia). Ее президентом стал профессор Френк Гуднов, вице-президентами Вильям Бойс Томпсон, Оскар Штраус, Джеймс Дункан и Фредерик Хауз (Howe), казначеем Джордж Уолен (Whalen), а членами Правления: сенатор Вильям Эдгар Бора (Borg), сенатор Джон Ш. Вильямс, сенатор Вильям Н. Гальдер, Роберт Л. Оуэн, Генри Р. Куппер, Генри Д. Флуд, Генри Форд, президент Правления фирмы «Дженерал электрик» Чарльз А. Коффин, руководитель внешнего отдела этой же фирмы М. А. Оудин, президент фирмы «Вакуум ойл» Джордж П. Уолен, Даниэл Виллард — представитель железной дороги Балтимора—Огайо, Раймонд Робинс, Генри Слободин и Линкольн Стефенс¹⁶¹. О политическом влиянии этой группировки, за спиной которой, по некоторым данным, стояла финансовая империя Моргана, свидетельствует следующий факт. Когда в феврале 1919 г. в Сенат США была внесена резолюция Джонсона против американской интервенции в Советской России для ее принятия не хватило лишь одного голоса. Это значит, что половина сенаторов выступила против интервенции¹⁶².

Эти и некоторые другие факты дают основание утверждать, что Советская власть смогла устоять не только потому, что имела сравнительно широкую поддержку среди рабочего класса и крестьянства, но и потому, что получила поддержку со стороны определенных кругов международного финансового капитала. Причем если в годы гражданской войны Советское правитель-

ство предпочитало не афишировать свои связи с Западом, то после ее окончания оно вынуждено было открыто заявить о своей готовности сотрудничать со всеми странами. Именно на это частично и была направлена новая экономическая политика. Если внутри страны она имела своей целью укрепление союза с крестьянством, то на международной арене должна была оформить блок Советского государства с иностранным капиталом. Обосновывая необходимость этого, В. И. Ленин писал: «Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотнями миллионов, а то и миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитала. Мы потом с лихвой себе вернем. Удержать же пролетарскую власть в стране неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, также разоренного, без помощи капитала — за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты, — нельзя. Это надо понять. И потому — либо этот тип экономических отношений, либо ничего»¹⁶³. Таким образом, блок с иностранным капиталом нужен был не только для того, чтобы восстановить экономику, но и для того чтобы в крестьянской стране иметь противовес крестьянству.

*

Когда партия большевиков пришла к власти, она опиралась на поддержку, главным образом, со стороны городского пролетариата и армии. Однако первые ее декреты отвечали интересам подавляющего большинства населения страны. Был заключен мир, конфисковано помещичье землевладение, все земли переданы крестьянам для уравнительного распределения, запрещена торговля землей и сдача ее в аренду, запрещено использование в деревне наемного труда, издан декрет о восьмичасовом рабочем дне, объявлено о введении рабочего контроля, национализированы банки и некоторые другие отрасли экономики, аннулированы государственные долги, всем народам предоставлено право на самоопределение, введена монополия внешней торговли, ликвидированы национальные, сословные и религиозные ограничения, церковь отделена от государства, женщины уравнены в правах с мужчинами и т. д. Если бы выборы в Учредительное собрание были проведены не в ноябре 1917 г., а весной 1918 г. партия большевиков имела бы все шансы для того, чтобы получить на них подавляющее большинство голосов.

Необходимо, однако, учитывать, что многие декреты этого времени имели лишь пропагандистский характер, и В. И. Ленин считал даже возможным говорить о целой «полосе пропаганды декретами». «У нас, — отмечал он, — была полоса, когда декре-

ты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянству, рядовому рабочему: вот, как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах. Это было время, это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы бы не стали во главе революционной волны, а стали бы плестись в хвосте. Без этого не было бы к нам доверия всех рабочих и крестьян, которые хотели построить жизнь на новых основах»¹⁶⁴. А поэтому для того, чтобы получить реальное представление о первых преобразованиях Советской власти, необходимо учитывать, как именно первые декреты реализовались на практике. И вот здесь почти с самого же начала обнаруживается расхождение между словом и делом, непоследовательность и противоречивость политики Советского государства. Главная причина этого заключалась в том, что прия к власти, провозгласив курс на социалистическую революцию и получив в этом отношении значительную поддержку как в городе, так и в деревне, партия большевиков оказалась перед неразрешимой проблемой: для того, чтобы сохранить эту поддержку и оставаться партией пролетариата, она должна была идти по намеченному курсу, но поскольку социализм был невозможен, то удержаться у власти партия могла, только отказавшись от своих первоначальных стремлений и обещаний.

Предусматривая подобную перспективу развития социалистического движения, Ф. Энгельс еще в 1850 г. в своей работе «Крестьянская война в Германии» писал: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он может сделать, зависит не от его власти, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он должен сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий; он связан уже выдвинутыми им доктринаами и требованиями».

ми, которые опять-таки вытекают не из данного соотношения общественных классов и не из данного, более или менее случайного, состояния условий производства и обмена, а являются плодом более или менее глубокого понимания им общих результатов общественного и политического движения. Таким образом, он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он может сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он должен сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно»¹⁶⁵.

Именно в таком положении осенью 1917 г. оказалась партия большевиков. В результате этого, взяв власть в свои руки и провозгласив курс на превращение буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, она на практике не сделала ни одного шага, который действительно бы свидетельствовал о социалистической трансформации российского общества. Более того, почти с самого начала наметилась тенденция к ликвидации некоторых достигнутых уже завоеваний буржуазно-демократической революции.

Прежде всего это касалось политических свобод: уже в течение первого года существования Советское правительство ликвидировало свободу печати, слова, собраний, митингов и шествий, свободу политических партий. И если первоначально эти ограничения в первую очередь были направлены против тех социальных сил, которые с самого начала объявили войну Советской власти, то со временем происходит свертывание демократии и для «победителей». Неизбежность этого была очевидна еще до того, как партия большевиков пришла к власти. Россия являлась крестьянской страной, и действительная демократия в ней могла быть только крестьянской. Но переход власти в руки крестьян создавал угрозу не только помещикам и буржуазии, но и рабочему классу. Дело в том, что крестьяне боролись не только за «черный передел» в деревне, но и за пересмотр цен между городом и деревней, т. е. за ликвидацию неэквивалентного обмена между ними. Эта борьба по своему характеру напоминала борьбу колоний и метрополий, борьбу «аграрной периферии» против «мастерских мира»¹⁶⁶. Но ликвидация неэквивалентного обмена между городом и деревней должна была не только задержать процесс индустриализации, даже отбросить

промышленное развитие страны назад и повести к сужению внутреннего рынка, но и повлечь за собою снижение жизненно-го уровня рабочего класса почти в два раза. В этих условиях партия большевиков не могла, оставаясь у власти, не пойти на ограничение избирательных прав крестьянства. Это было сделано летом 1918 г. Первая советская конституция приравняла один голос горожанина к пяти голосам крестьян. Делая такой шаг, большевики называли его временным и мотивировали необходимостью обеспечить в стране диктатуру пролетариата. Однако уже в 1918—1919 гг. происходит наступление и на политические права рабочего класса, в результате чего Советское государство, так и не став орудием диктатуры пролетариата, превращается в орудие диктатуры партии большевиков¹⁶⁷.

Одновременно с этим происходило постепенное ограничение внутрипартийной демократии. Причем если в годы гражданской войны его можно было бы объяснить особенностями военного времени, то после окончания войны стало очевидно: дело заключалось не только в этом. В основе прежней внутрипартийной демократии лежала сложившаяся внутри партии еще до революции система финансирования. Каждая партийная организация имела собственный бюджет и именно за его счет частично формировался бюджет Центрального комитета. В связи с этим местные партийные организации сами решали, какой партийный аппарат они могут содержать, и сами определяли его состав. В 1919—1921 гг. была проведена реформа, направленная на создание единой партийной кассы. В связи с этим все членские взносы и другие доходы местных партийных организаций должны были передаваться Центральному комитету, который теперь уже сам из собственного бюджета финансировал местные организации, определял штаты партийного аппарата и держал в своих руках кадровые перестановки¹⁶⁸. Это привело к тому, что в 1921—1923 гг. началась ликвидация прежней внутрипартийной демократии и партия стала превращаться в послушное орудие Центрального комитета, а диктатура партии в диктатуру вождей. Отрыв партии от народа, а верхов партии от ее низов, означал, что, не доверяя народу, верхи партии создали такую политическую систему, которая, потеряв контроль снизу, стала способной к проведению любой политики, в том числе и политики, направленной против коренных интересов как самой партии, так и интересов народа. Более того, потеряв контроль снизу, верхи партии оказались один на один со своими более сильными зарубежными партнерами.

И по мере того, как развивался этот процесс, зависимость верхов партии от иностранного капитала возрастала. Усилиению этой зависимости способствовало и расширение международного

сотрудничества Советского государства. Включавшиеся в это сотрудничество зарубежные фирмы невольно становились заинтересованными в том, что происходило внутри СССР, и сама логика вещей заставляла их тем или иным образом воздействовать как на внутреннюю, так и на внешнюю политику Советского правительства, на подбор и расстановку его кадров. В свою очередь, связав себя договорами с определенными финансово-промышленными кругами за рубежом, Советское государство оказывалось заинтересованным в делах своих внешнеэкономических партнеров и вынуждено было поддерживать их в той ожесточенной борьбе, которая шла на мировом рынке.

А поскольку в той или иной степени эта же борьба шла и между внешнеэкономическими партнерами Советского государства, то она не могла не отражаться на политике отдельных ведомств Советского правительства, не влиять на действия возглавлявших их должностных лиц, а в конечном итоге не воздействовать на внутрипартийную борьбу. Особенно это касается периода с 1921 по 1929 гг. Судя по всему, Л. Д. Троцкий и его сторонники, наиболее последовательно придерживавшиеся курса на мировую социалистическую революцию, прежде всего опирались на те силы за рубежом, которые в наибольшей степени были заинтересованы в дестабилизации положения в мире и с этой целью готовы были поддержать стремления этой части партии большевиков к «экспорту революции». А И. В. Сталин и его окружение, провозгласившие в 1924—1925 гг. курс на строительство социализма в одной стране, сделали ставку на те силы, которые в подобной дестабилизации заинтересованы не были. Поражение первых в борьбе со вторыми предопределило как поражение троцкистско-зиновьевской оппозиции, так и победу Сталина. В основе этого лежала перегруппировка тех сил за рубежом, которые первоначально поддерживали Советское государство.

В результате налаживавшееся после Октябрьской революции советско-германское экономическое и военное сотрудничество оказалось непродолжительным. Первые симптомы свертывания этого сотрудничества появились уже в 1923—1924 гг., когда Коминтерн вынужден был отказаться от подготавливавшейся им с согласия определенной части германской буржуазии революции в Германии, а Германия пошла на признание плана Даусэса, низводящего ее до положения полу-колонии. Показательно, что именно в 1924 г. после смерти Гуга Стинеса произошел распад возглавляемого им Вестфальско-Рейнского концерна, стоявшего у истоков советско-германского сотрудничества¹⁶⁹. И тогда же советское правительство пошло на сворачивание деловых отношений с рядом фирм, которые

сыграли немаловажную роль в становлении Советской власти¹⁷⁰. Особое значение на этом пути имела и Локарнская конференция 1925 г. «Насколько я понимаю, спор в Локарно, — заявлял один из современников этой конференции английский министр Ормсбай Гор, — идет вот о чем, свяжет ли Германия свое будущее с судьбами великих западных держав или пойдет совместно с Россией на штурм западной цивилизации? Значение Локарно огромно. Оно показывает, что нынешнее германское правительство отходит от России и связывает свою судьбу с западными державами»¹⁷¹. Это означало, что те круги германской буржуазии, которые были заинтересованы в дестабилизации положения в мире и по этой причине готовы были поддержать стремление большевиков к мировой революции, оказались изолированными. Такой поворот событий предопределил и отставку генерала фон Секта в 1926 г.¹⁷², и поражение китайской революции в 1927 г. На основании этого в августе 1927 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) Г. Е. Зиновьев сделал вывод о произошедшей переориентации германской буржуазии с СССР на Запад¹⁷³.

Одним из следствий этого, вероятно, было знаменитое «шахтинское дело» 1928 г.¹⁷⁴. При освещении этого процесса, обычно остается вне поля зрения тот факт, что в саботаже были обвинены не только русские, но и немецкие инженеры. Вскоре подобные же обвинения были предъявлены инженерам фирмы АЭГ¹⁷⁵. Позднее состоялся открытый процесс о вредительстве на электростанциях, который полностью был посвящен иностранным специалистам¹⁷⁶. Эти и некоторые другие факты свидетельствуют, что на рубеже 20—30-х годов Советская страна начинает открыто рвать свои прежние связи с теми зарубежными фирмами, которые играли важную роль в налаживании экономических связей между СССР и Западом в первые годы существования Советской власти. О происходившей переориентации свидетельствуют и некоторые другие факты.

*

Показательно, что именно к этому времени относится появление в зарубежной печати слухов о готовящейся «даусизации» Советской России. «... В американских кругах, — писала по этому поводу 13 февраля 1929 г. эмигрантская газета «Возрождение», — в настоящее время выдвигается своего рода «план Даусэса» для Советской России. Имеется в виду установление контроля американских финансовых кругов над всем советским хозяйством, за что обещается финансовая и организационная помощь при оздоровлении финансов и народного хозяйства СССР. ... Причем контроль «по психологическим причинам»

должен быть организован так, чтобы он был почти незаметен извне. Финансовая организация Советской России должна отразиться и на германском хозяйстве»¹⁷⁷. В нашем распоряжении нет материалов, которые позволяли бы со всей определенностью утверждать, насколько были обоснованы подобные газетные разоблачения. Нельзя, однако, не обратить внимание, что в конце 20-х годов стратегия американского капитала в отношении к Советской стране претерпевает радикальные изменения и что эти изменения по времени совпадают с радикальными переменами во внутренней политике Советского государства. Именно в 1929 г. происходит свертывание НЭПа и принимается решение о переходе к сплошной коллективизации. Именно на рубеже 20—30-х годов волна «раскулаченных» кладет начало применению в массовых масштабах принудительного труда в СССР, именно на рубеже 20—30 годов СССР делает промышленный рывок и именно в эти годы складывается та политическая система, которая получила название административно-командной. Кто же позволил СССР обеспечить этот поворот? Известные на этот счет факты свидетельствуют, что особую роль здесь сыграл американский капитал и что в связи с этим произошла своеобразная переориентация сотрудничества СССР с преимущественно германских на преимущественно американские фирмы. Решающее значение в этой переориентации имел экономический кризис 1929—1931 гг., который сломал многие прежние международные связи и привел к складыванию новых.

Посетивший осенью 1930 г. нашу страну заведующий Восточным отделом «Бэнк оф Инглэнд» Хаборд отмечал, что «везде на стройках, а иногда и в деревнях он встречал американцев». «Американцы, — констатировал он, — верят в будущее советской промышленности и поэтому всюду и везде они уже засели. Мы англичане до этого еще не додумались»¹⁷⁸. По словам бывшего советского представителя в США Б. Сквицкого, в конце 1930 г. в нашей стране находилось «свыше 2000 американских инженеров»¹⁷⁹ (только инженеров!), значительно больше, чем было иностранных инженеров в промышленности дореволюционной России¹⁸⁰. Если взять на одно предприятие или же на одну стройку даже 5—10 инженеров, то окажется, что при содействии американских фирм в 1930 г. возводилось не менее 200—400 крупных промышленных объектов. Это были такие гиганты как Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные заводы, Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты, Нижегородский автозавод, Днепрогэс и т. д.¹⁸¹.

В результате, если в 1923 г. по импорту промышленного оборудования СССР занимал 32-е место среди торговых партнеров США, то в 1930 г. вышел на первое¹⁸². Именно поэтому в годы

первой пятилетки в Советский Союз было отгружено около 40% всего вывозимого из США промышленного оборудования, 67% всех металлорежущих станков, 75% кузнечного оборудования, 96% всех локомотивов, 25% экскаваторов, 25% горного оборудования»¹⁸³. Это безусловно позволило многим американским фирмам безболезненно пережить экономический кризис 1929—1931 гг., но именно это обеспечило нашей стране тот промышленный рывок, который был сделан ею в 1928—1932 гг. По некоторым данным, в решении этих задач участвовало около 1600 американских корпораций, в том числе такие гиганты как «Форд моторз», «Дженерал моторз», «Дженерал электрик», «Вестингауз», «Интернейшнл харверстер компани», «Юнайтед стейтс стил корпорейшн» и др.¹⁸⁴

Обычно при характеристике этого сотрудничества основное внимание концентрируется на приобретении зарубежной техники. Однако она приобреталась для оборудования новых или же реконструкции старых предприятий и производства соответствующей продукции. Поэтому одновременно приобреталась и технология производства, и право на такое производство. Содержание этих договоров до сих пор остается неизвестным. Но некоторое представление на этот счет может дать общая практика, существующая в данном вопросе. Среди тех условий, которые включались и включаются в лицензии на право производства той или иной продукции, обычно фигурируют объем производства, место, способ и цена реализации, право на экспорт, право на часть гарантированной прибыли и т. д.¹⁸⁵ Некоторое представление об этом дает договор, заключенный СССР в 1929 г. с фирмой Г. Форда на строительство Нижегородского автозавода.

Раскрывая содержание этого договора, заместитель председателя ВСНХ В. И. Межлаук отмечал 31 июля 1929 г.: «Целью моей поездки в САСШ было заключение договора с одной автомобильной фирмой по оказанию нам технического содействия в постройке автозавода на 100 000 машин... По договору с Фордом мы получаем право на использование всех без исключения патентов как имеющихся, так и будущих, а также право на ознакомление с методами производства на американских предприятиях Форда, для чего мы посылаем в Америку 50 наших специалистов. Форд обязался подготовить для нас проект автозавода и временных сборочных мастерских. Никаких ограничений относительно ввоза в СССР машин других фирм Форд нам не ставит, так как уверен в своей продукции. Со своей стороны, мы передаем Форду все наши патенты на усовершенствования, которые могут оказаться на заводах, производящих его машины... В обмен на предоставленные нам привилегии мы должны

купить у него в течение пяти лет 72 000 машин в собранном и разобранном виде общей стоимостью в 30 млн. дол. По мере организации собственного производства запасных частей к автомобилям в СССР мы имеем право прекратить ввоз этих частей»¹⁸⁶. К этому необходимо добавить, что первоначально СССР получал возможность производить только 60% комплектующих изделий, а остальные 40% должен был приобретать у Форда¹⁸⁷.

Следовательно, на протяжении определенного времени СССР не только должен был выплачивать Форду часть своей прибыли, получаемой в результате производства автомобилей, не только зависел от него в связи с необходимостью приобретения значительной части комплектующих изделий и запасных частей, но и обязан был передать ему все свои технические усовершенствования. Между тем В. И. Межлаук называет данный договор выгодным для СССР. Следовательно, были и менее выгодные сделки. В результате этого, развивая собственное производство, наша страна оказалась связанный целой серией договоров, которые делали ее зависимой от соответствующих фирм и ограничивали возможности ее экономического маневрирования. И чем шире развивалось такое сотрудничество, тем сильнее становилась зависимость, тем больше сокращалась возможность для маневра. Логическим завершением этого процесса неизбежно должна была быть утрата не только экономической, но и политической самостоятельности.

Подобным же образом складывались отношения между СССР и его зарубежными партнерами и в сфере торговли товарами. Восстановление внешнеторговых связей нашей страны означало, что она снова подпадала под действие законов мирового рынка, в том числе и под действие «ножниц цен» на промышленные товары и сельскохозяйственные продукты. Правда, с конца 20-х годов роль сельскохозяйственных продуктов в советском экспорте начинает падать, и на первое место выдвигаются различные виды промышленного сырья: лес, нефть, марганец и т. д. Однако цены на сырье тоже стояли значительно ниже его стоимости, и по этой причине расширение советского экспорта означало увеличение оттока части создаваемого внутри СССР национального дохода за границу, иначе говоря, расширение его эксплуатации. К сожалению, состояние и действительный характер советской внешней торговли изучены недостаточно, а поэтому в открытой литературе нет данных, характеризующих реальные масштабы и степень этой эксплуатации. Можно лишь отметить: поскольку система внешнеторговых организаций в дореволюционной России была незначительной, а после революции Россия потеряла даже те рынки, которые она имела до 1917 г., поэтому для осуществления в рамках монопо-

лии внешней торговли внешнеторговых операций, начиная с 1921 г., Советское правительство создает целую систему смешанных внешнеторговых организаций с участием иностранного капитала, что предполагало распределение торговой прибыли между Советским правительством и его внешнеторговыми партнерами. В качестве примера, можно указать на участие Советской России в знаменитой германской пароходной компании ГАПАГ¹⁸⁸.

В связи с этим необходимо отметить следующий любопытный факт. После окончания гражданской войны на международных биржах снова стали котироваться акции национализированных в России предприятий¹⁸⁹. В чем же дело? Ответ на этот вопрос можно найти на страницах печати того времени. Так, 5 марта 1929 г. газета «Возрождение» опубликовала сообщение, что нефтепромышленная компания «Англо-америлен ойл» заключила соглашение с СССР, по которому получила право на реализацию за границей советской нефти, ее продажная цена была значительно ниже мировой, так как включала в себя погашение обязательств СССР по тем акциям национализированных нефтяных компаний в России, которые находились в руках «Англо-америлен ойл»¹⁹⁰. Известен ряд сообщений и о других аналогичных контрактах¹⁹¹. Вероятно, именно это и послужило одной из причин той кампании против русского демпинга, которая была поднята за рубежом в конце 20-х — начале 30-х гг.

Таким образом, расширение экономических связей СССР с зарубежными странами вело к восстановлению тех механизмов эксплуатации, которые существовали до революции, а следовательно, Советское правительство вольно или невольно превращалось в один из инструментов этой эксплуатации. «Давление империализма на Советский Союз, — писал Л. Д. Троцкий, — имеет задачей изменить саму природу советского общества. Борьба — сегодня мирная, завтра военная — идет из-за форм собственности. В качестве передаточного механизма этой борьбы бюрократия опирается то на пролетариат против империализма, то на империализм против пролетариата, чтобы увеличить свою собственную власть. В то же время она нещадно эксплуатирует свою роль распределителя скучных жизненных благ для обеспечения своего благополучия и могущества. Тем самым господство пролетариата приобретает урезанный, согнувшийся, исковерканный характер. Можно с полным основанием сказать, что пролетариат, господствующий в отдельно взятой стране, все еще остается угнетенным классом. Источником угнетения является мировой империализм, передаточным механизмом угнетения — бюрократия»¹⁹². А следовательно, хотя прежние эксплуататорские классы в нашей стране были ликвидированы,

сама эксплуатация не исчезла. Новое заключалось в том, что после революции наша страна стала эксплуатироваться главным образом или же почти полностью извне. Система, характерная для стран с колониальной зависимостью.

Вполне вероятно, что первоначально верхи партии большевиков рассматривали подобные взаимоотношения с Западом как временные и рассчитывали, получив свободу действия внутри страны, не только ликвидировать культурную и экономическую отсталость нашей страны, но и, по крайней мере, заложить в ней основы нового, социалистического строя. Полемизируя в 1923 г. с Н. Сухановым, В. И. Ленин писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»¹⁹³. Долгое время эти ленинские слова приводились как пример творческого подхода к марксизму. В действительности же они свидетельствуют, что и В. И. Ленин, и его последователи явно недосчитывали того, что «догнать другие народы» т. е. завершить индустриализацию невозможно было без форсирования процесса первоначального накопления. А поэтому пришедшая к власти партия большевиков должна была взять на себя решение этой задачи и, следовательно, объективно сыграть в истории нашей страны ту роль, которую в других странах играла буржуазия — роль инструмента первоначального накопления.

Иными словами, партия большевиков должна была завершить ликвидацию мелкого производства, что предполагало разорение крестьянства и формирование за его счет армии наемных рабочих. Более того, особенности осуществления индустриализации в нашей стране делали неизбежным широкое использование «принудительного труда», который немногим отличался от труда рабов, и снижение до возможного минимума жизненного уровня рабочего класса. Реализация этой политики вступала в противоречие с коренными интересами широких слоев населения: и крестьянства, и пролетариата. В связи с этим поворот партии большевиков к политике форсирования процесса первоначального накопления, совпавшего по времени с первой пятилеткой (1928—1932), неизбежно означал окончательный ее разрыв с теми социальными силами, при поддержке которых она пришла к власти, и превращение советского режима объективно в антинародный режим.

Таким образом, если в первые годы Советской власти сначала партия большевиков в целом, а затем ее лидеры могли ма-

неврировать между интересами широких народных масс и тех кругов международного финансового капитала, которые поддержали Октябрьскую революцию, то со временем возможность такого маневрирования стала сокращаться и усиление зависимости руководства партии от его зарубежных партнеров сделало неизбежным контрреволюционный переворот, который приобрел форму так называемого «термидорианского переворота» или же «переворота в рассрочку», если пользоваться характеристикой Л. Д. Троцкого. Началом этого переворота стал 1927 г., когда была разгромлена троцкистско-зиновьевская оппозиция, последовательно придерживавшаяся курса на мировую революцию, и начался террор против самих членов партии большевиков. Следующей вехой на пути осуществления этого переворота были 1929—1930 гг., а в 1932 г. сталинское руководство партии встало на путь разгрома самой партии, приняв решение о проведении генеральной чистки.

Показательно, что это решение было принято сразу же после того, как на выборах в США победил президент Ф. Рузвельт, к власти пришла новая политическая группировка и одним из первых ее шагов стало признание СССР, а в Германии выборы принесли победу национал-социалистам во главе с Гитлером и его правительство с самого же начала пошло на окончательное свертывание экономического и военного сотрудничества с СССР. Завершение «термидорианского переворота», по всей видимости, можно датировать 1937—1938 гг., когда в форме личной диктатуры И. В. Сталина в нашей стране, по сути дела, утвердилась диктатура определенных кругов международного финансового капитала, на мощь которых он опирался и которые благословили его на «большой террор».

*

Итак, Октябрьская революция была результатом взаимодействия как внутренних, так и внешних факторов. Все ее пореформенное развитие характеризовалось обострением социальной напряженности и созданием взрывоопасной ситуации. Путь, которым Россия шла к революции, во многом был похож на путь, пройденный другими странами. Однако буржуазная революция в нашей стране произошла в особых исторических условиях и это не могло не наложить на нее отпечаток. С одной стороны, по своему характеру она была и не могла не быть буржуазной, а с другой стороны, широкое распространение в обществе уравнительно-передельческих настроений и возможность временного объединения под знаменем уравнительного социализма рабочего класса и деревенских низов вела к тому, что эта буржуазная революция почти с самого начала происходила под красным

знаменем и социалистическими лозунгами. Вероятнее всего, что ее ожидал бы такой же итог, как Крестьянскую войну 1525 г. в Германии, если бы она не была поддержаны определенной частью отечественной буржуазии, офицерства, чиновничества и научно-технической интеллигенции. Но и эта поддержка была бы недостаточной, если бы Советская власть не смогла опереться на помощь определенных кругов международной финансовой олигархии. Оказав такую помощь, эти круги, однако, вовсе не собирались способствовать социалистической революции. Партия большевиков, и ее социалистические лозунги были нужны им для того, чтобы использовать СССР в своей борьбе за мировое господство. А поэтому Октябрьская революция как революция социалистическая, захлебнувшись уже в 1918 г., так и не смогла выйти за пределы буржуазно-демократической революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Милитаризм. Цифры и факты. М., 1983. С. 60.
- ² Урланс Б. Ц. Война и народонаселение Европы. М., 1967. С. 404.
- ³ Гершензон М. О. Кризис современной культуры// Минувшее: Исторический альманах. М.—СПб., 1992. Т. II. С. 238.
- ⁴ Вернадский В. И. Очерки и речи. Т. I. М., 1922. С. 129.
- ⁵ Подробнее: Островский А. В. Зарождение кризиса феодализма в России// Россия в период зарождения кризиса феодализма. Лекции для студентов. СПб., 1994. С. 2—11 (в печати).
- ⁶ Селецкий Б. П. Размышления об историческом процессе// См. выше. С. 95—128.
- ⁷ Кучинский Ю. Очерки по истории мирового хозяйства. М., 1954. С. 92; Мировые экономические кризисы. М., 1937. Т. I. С. 487.
- ⁸ «Еще в середине прошлого века (1850) удельный вес стран, относящихся сейчас к группе развивающихся, в мировом производстве примерно соответствовал их доле в мировом населении — соответственно 65 и 74% (в 1960 г. — 22 и 72%)» (ООН и международное сотрудничество. М., 1970. С. 36).
- ⁹ «Развивающиеся страны ныне получают в виде выручки от экспорта сырьевых товаров всего 35—40 млрд. дол., тогда как конечная стоимость сырья, поставляемого ТНК и потребляемого в промышленно-развитых странах, составляет около 350 млрд. дол., или в 10 раз больше» (ООН и проблемы перестройки международных экономических отношений. М., 1987. С. 57).
- ¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. III. С. 33.
- ¹¹ Шпирт А. Ю. Минеральное сырье и война. Проблемы обеспечения капиталистических стран минеральным сырьем в первой и второй империалистической войне. М., 1941. С. 24—33.
- ¹² Scharlau W. B., Zeman Z. A. Freibeuter der Revolution. Parthus-Herbrand. Eine politische Biographie. Köln, 1964. S. 134—343.
- ¹³ Мельгуков С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. 2 изд. Нью-Йорк, 1989.
- ¹⁴ Англия оказалась перед лицом финансового банкротства в последние числах июня 1917 г., когда обнаружилась ее неплатежеспособность (Архив полковника Хауза. М., 1939. Т. III. С. 74—75).

- ¹⁵ Брант А. А. Очерк истории паровой машины и применения паровых двигателей в России. СПб., 1892.
- ¹⁶ Военно-исторический сборник. СПб., 1871. Вып. IV. С. 318.
- ¹⁷ Брант А. А. Указ. соч. С. 26—38.
- ¹⁸ Военно-исторический сборник. Вып. IV. С. 318.
- ¹⁹ Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850—1880 гг. М., 1973. С. 83.
- ²⁰ Военно-исторический сборник. Вып. IV. С. 318.
- ²¹ Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. История. Методология исчисления. Динамика. М., 1969. С. 68.
- ²² Островский А. Е. Товарность и доходность сельского хозяйства Европейского Севера в первой четверти XX в.// Октябрь и северное крестьянство. Тезисы докладов и сообщений к научно-практической конференции. Вологда, 16—17 октября 1987 г. Вологда, 1987. С. 33—35.
- ²³ Барсов А. А. НЭП и выравнивание экономических отношений между городом и деревней// Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974. С. 96.
- ²⁴ Вайнштейн А. Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России: Статистическое исследование. М., 1960. С. 403.
- ²⁵ Статистический ежегодник. 1913. СПб. 1914. Отд. I. С. 57.
- ²⁶ Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С. 72—73; Шебалдин Ю. Н. Государственный бюджет царской России в начале XX века//Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 163—190.
- ²⁷ Вайнштейн А. Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. С. 403.
- ²⁸ Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным источникам и размерам в России. СПб., 1906. С. 51.
- ²⁹ Материалы по статистике движения землевладения. СПб., 1907—1917. Вып. XIII, XVIII—XXV. Расчет мой — А. О.
- ³⁰ Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX—начале XX в. Статистика долгосрочного кредита в России. М., 1980. С. 28—31.
- ³¹ Ежегодник министерства финансов на 1906/1907 гг. СПб., 1907. С. 109.
- ³² Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Большой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 66—67.
- ³³ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Под ред. В. И. Покровского. СПб., 1902. Т. I; Авилов Б. В. Статистический обзор народного хозяйства дореволюционной России//Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 36. Ч. IV. Приложение. С. XI—XII.
- ³⁴ Статистический ежегодник России. 1910 г. Отд. XI. С. 51—52.
- ³⁵ Обзор внешней торговли России по Европейской и Азиатской границам за 1906 год. СПб., 1908. С. 111—112; ... за 1907 год. СПб., 1909. С. 6—7; ... за 1908 год. СПб., 1910. С. 5—7.
- ³⁶ Ковалченко И. Д.; I. Динамика уровня зернового производства России в первой половине XIX века//История СССР. 1959. № 1. С. 53—86; 2. К истории скотоводства в России в первой половине XIX века//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960. Сб. IV. С. 173—204.
- ³⁷ Оперируя этими показателями, необходимо иметь в виду, что данные 60—70-х и 80—90-х гг. не совсем сопоставимы. Уже обращено внимание на то, что данные 60—70-х годов несколько занижают реальный уровень зернового производства (Археология и источниковедение истории Европейского

- Севера РСФСР. Тезисы выступлений на республиканской научной конференции. Вологда, 1989. Ч. 2. С. 23—25).
- ³⁸ Карнаухова Е. С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. 1861—1914 гг. М., 1951. С. 116.
- ³⁹ Таблица 2.
- ⁴⁰ Карнаухова Е. С. Указ. соч. С. 115.
- ⁴¹ Таблица 2.
- ⁴² Губарева О. Е. Источники роста народного благосостояния СССР. М., 1968. С. 150.
- ⁴³ Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. Нормы продовольствия сельского населения России по данным бюджетных исследований. Составлено под руководством и редакцией А. В. Чаянова. М., 1916. С. 84—87.
- ⁴⁴ Марес Л. Н.: 1. Пища народных масс России// Русская мысль. 1893. № 10, отд. 2. с. 58; 2. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве// Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны народного хозяйства. Т. I. СПб, 1897. С. 14.
- ⁴⁵ Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. С. 68.
- ⁴⁶ Шебалдин Ю. Н. Указ. соч. С. 164.
- ⁴⁷ Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. С. 58—59.
- ⁴⁸ Табель о деньгах на продовольствие арестантов, содержащихся в местах заключения гражданского ведомства на 1893 г. Б. м. Б. д. С. 1—18.
- ⁴⁹ Временик ЦСК МВД. № 6. Смертность младенцев в Европейской России в 1867—1881 гг. СПб, 1889.
- ⁵⁰ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземедельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб, 1903. Ч. 1. С. 28—33.
- ⁵¹ Рачет мой на основании военно-конских переписей 1888, 1891 и 1912 гг. — А. О.
- ⁵² Бехтеев С. С. Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия и меры к хозяйственному подъему. СПб, 1902. Т. I. С. 174—175.
- ⁵³ Там же. С. 183—184.
- ⁵⁴ Островский А. В. Динамика процесса раскрепощивания в Европейской России конца XIX—начала XX века// Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 80—81.
- ⁵⁵ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма// Общая история европейской культуры. М., 1910. Т. 2. Кн. 2. С. 501—582; Мацек И. Гуситское революционное движение. М., 1954; Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и великая крестьянская война. М., 1955; Бернштейн Э. Социализм и демократия в Великой Английской революции. М., 1925; Буваротти Ф. Заговор во имя равенства. М., 1963. Т. 1—2; Каутский К. Предшественники новейшего социализма. М., 1925. Т. 1—2; Кан С. Б. История социалистических идей (до возникновения марксизма). М., 1967; Малинин В. А. История русского утопического социализма. Вторая половина XIX—начало XX вв. М., 1971; Хорес В. Г. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980.
- ⁵⁶ Соловьев Ю. Б. Самодержание и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 78, 115, 143, 146, 148, 155 и др. В 1908 г. Главное управление землеустройства и земледелия, признавая настоятельную необходимость в проведении аграрной реформы, подчеркивало: в случае ее провала новый революционный кризис в России неизбежен (РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 376. Л. 84).
- ⁵⁷ См. так же: ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912. Л. 16—18.
- ⁵⁸ Красный архив. 1925. № 4—5 (11—12). С. 55—56.
- ⁵⁹ Островский А. В. Царизм и проблема земельческих артелей в кон-
- це XIX—начале XX века// Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1987. С. 78.
- ⁶⁰ Труды Первого Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве. 1—10 сентября 1913 г. Киев, 1913. Вып. I. С. 5.
- ⁶¹ Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.—Л., 1930. С. 50—54.
- ⁶² Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 158—306.
- ⁶⁵ Ге-Тан. К вопросу об эволюции помещичьего и крестьянского хозяйства передвойной и во время войны// Вестник сельского хозяйства. М., 1917. № 2. С. 5—6.
- ⁶⁶ Постановления Совещания при Экономическом отделе Главного комитета Всероссийского Земского Союза об организации посевной площади в 1917 г. в Москве 22—24 ноября 1916 г.// Машина в сельском хозяйстве. 1917. № 2. С. 75—77.
- ⁶⁷ Оценочные задачи ведомства земледелия в связи с войной. 1916 г. // РГИА. Ф. 382. Оп. 8. Д. 262. Л. 1—30.
- ⁶⁸ О возможности изготовления тракторов в России. 1916 г.// Там же. Д. 270. Л. 1—11.
- ⁶⁹ Постановления Чрезвычайного общего собрания Всероссийской сельскохозяйственной палаты// Вестник сельского хозяйства. М., 1917. № 3. С. 11—14.
- ⁷⁰ Неотложные мероприятия по земледелию в связи с народным продовольствием в 1917 г.// Вестник сельского хозяйства. М., 1917. № 9. С. 9—10.
- ⁷¹ Объяснительная записка к Докладу о мероприятиях по земледелию и народному продовольствию// Там же. С. 10—14.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Вернадский В. И. Очерки и реэи. Пг, 1922. Т. I. С. 4—25; Протокол заседания Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 2 мая 1915 г. Б. м. Б. д. С. 3.
- ⁷⁴ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 309—310.
- ⁷⁵ Доклад Совета съездов [представителей промышленности и торговли] «О мерах по развитию производительных сил России». Пг, 1915. С. 7.
- ⁷⁶ Там же. С. 20—22.
- ⁷⁷ Национализация промышленности// Колокол. 1915. 14 окт.
- ⁷⁸ Боголепов М. И. О путях будущего. К вопросу об экономическом плане. СПб, 1916.
- ⁷⁹ Поликарпов В. В. О так называемой «программе Маниловского»// Исторические записки. М., 1983. Т. 109. С. 281—306.
- ⁸⁰ Голенко А. Фигавы России в мировую войну// Война и революция. 1926. № 11. С. 44—55; Волобуев П. В. О государственном долге дореволюционной России// Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 463—469.
- ⁸¹ Для пересчета государственного долга использован прием, предложенный в 1922 г. Комиссией по определению претензий Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду. (Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. V. С. 305).
- ⁸² Шебалдин Ю. Н. Указ. соч. С. 190.
- ⁸³ Волков Е. С. Указ. соч. С. 56—83.
- ⁸⁴ В огне революции. Военно-боевая работа большевистской партии в 1917 г. М., 1966. С. 205. Есть сведения, что численность дезертиrov достигла 1,5 млн. чел. уже к началу 1917 г. (История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. С. 625).

- ⁸⁵ Анфимов А. М., Макаров И. Ф. Новые данные о землевладении Европейской России// История СССР. 1974. № 1. С. 87; Симонова М. С. К изучению процесса формирования буржуазной земельной собственности в Европейской России. 1862—1914 гг.// Проблемы исторической географии. М., 1982. Вып. 2. С. 144—170.
- ⁸⁶ Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет. М.—Л., 1929. Т. I. Ч. 2. с 86—89. Расчет мой — А. О.
- ⁸⁷ В 1913 г. русские, украинцы и белорусы составляли 65% всего населения страны (Статистический ежегодник России. 1913 г. Отд. 1. С. 65).
- ⁸⁸ Насырин В. П. О некоторых вопросах социалистического преобразования промышленности в СССР// Вопросы истории. 1956. № 5. С. 90—99.
- ⁸⁹ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. М., 1991. С. 215.
- ⁹⁰ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков. 1—9 марта 1931 г. Стенограмма судебного процесса, обвинительное заключение и приговор. М., 1931. С. 387.
- ⁹¹ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. С. 217—218
- ⁹² Торгово-промышленная газета. 1917. 10 июня.
- ⁹³ Венедиков А. Государство, синдикаты и тресты// Там же. 1918. 24 и 30 апр.
- ⁹⁴ Там же. 11 мая.
- ⁹⁵ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе республики Советов. 1917—1920 гг. М., 1988. С. 28, 176—177.
- ⁹⁶ Ирошников М. П. Председатель Совета народных комиссаров В. Ульянов (Ленин). Л., 1974. С. 365—375.
- ⁹⁷ ДВП СССР. М., 1960. Т. IV. С. 240.
- ⁹⁸ Механошин К. От захвата власти к овладению аппаратом// Война и революция. 1928. № 12. С. 34.
- ⁹⁹ От Февраля к Октябрю. Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 174.
- ¹⁰⁰ Петров Н. М. Записки о первых шагах советского военного строительства// Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 58—68.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Купчинский Ф.: «Наш путь» и мир// Общее дело. 1917. 5 окт.; 2. Военные корреспонденты и главнокомандующий Северного фронта// Там же. 20 окт.; Бурцев В. Генерал Черемисов как один из многих покровителей и защитников большевиков// Там же. 21 окт.; Ветлугин А. Черемисовщина// Там же. 1921. 30 апр.; Бурцев В. Л. Гг. Черемисовы и Керинские// Там же. 22 мая; Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1991. С. 310—312. Ставка 25—26 октября 1917 г.// Архив русской революции. Берлин. Т. VII. С. 279—320.
- ¹⁰³ Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 178.
- ¹⁰⁴ Леанн В. И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 8—9, 10.
- ¹⁰⁵ См. выше. С. 76.
- ¹⁰⁶ См. выше. С. 89—90.
- ¹⁰⁷ Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1989. С. 778; Весь Петроград на 1917 г. Пг., 1916. Отд. 2. С. 787.
- ¹⁰⁸ Там же. Отд. 1. с. 1422; отд. 2.; с. 232.
- ¹⁰⁹ См. выше. С. 183.
- ¹¹⁰ Весь Петроград на 1917 г. Пг., 1916.
- ¹¹¹ РЦХИДНИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 133. Л. 21—24.
- ¹¹² См. выше. С. 85—86.
- ¹¹³ Рабинович Р. И. Опальный миллионер. Пермь, 1990.
- ¹¹⁴ См. выше. С. 72.
- ¹¹⁵ Акционерно-паевые предприятия России. Пг., 1917. С. 331, 334, 351.
- ¹¹⁶ Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. М.—Л., 1928. С. 272; Горький А. М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 260; Берберова Н. Н. Железная женщина. М., 1991. С. 101—102.
- ¹¹⁷ Владимир Ильин Ленин. Биографическая хроника. М., 1973. Т. 4. С. 143.
- ¹¹⁸ Там же. С. 207.
- ¹¹⁹ Krasin Lubov. Leonid Krasin. His Life and Work. L. 1929. P. 46—55.
- ¹²⁰ РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 2. 1673. л. 96.
- ¹²¹ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 38.
- ¹²² Весь Петроград на 1917 г. Пг., 1916. Отд. 2. С. 394.
- ¹²³ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1965. С. 84.
- ¹²⁴ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 16. Л. 1—2.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Агуровский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.
- ¹²⁹ Шапек А. Проблема металла в России в первую мировую войну// Война и революция. 1927. № 12. С. 110.
- ¹³⁰ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 3 изд. М., 1937. С. 119—122.
- ¹³¹ Шапек А. Указ. соч. С. 111.
- ¹³² РГИА. Ф. 28. Оп. 1. Д. 565. Л. 4, 101; Ф. 1525. Оп. 1. Д. 178. Л. 92. Расчет мой — А. О.
- ¹³³ Коваленко Д. А. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970.
- ¹³⁴ Одним из каналов поступления цветных металлов в Советскую Россию могли быть нейтральные страны. См.: Libbey J. K. Alexander Gumberg: Soviet-American Relations. 1917—1923. Kentucky. 1977. P. 29.
- ¹³⁵ ДВП СССР. Т. VI. М., 1962. С. 341.
- ¹³⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 42. С. 122.
- ¹³⁷ Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству. 25 октября 1917 г.—25 октября 1918 г. М., 1918. С. 924—925.
- ¹³⁸ Маниковский А. А. Указ. соч. С. 277.
- ¹³⁹ Советское правительство решило продолжить переговоры с фирмой «Вестингауз» 7/20 ноября 1917 г., а 23 ноября/6 декабря 1917 г. был одобрен заказ заводам Вестингауза на производство 1,8 млн. винтовок (РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 261. Л. 51, 52).
- ¹⁴⁰ Народное хозяйство. 1918. № 10. С. 57; Приложение. С. 9.
- ¹⁴¹ Кляцкин С. М. Из истории организации производства вооружения, боеприпасов и боевого снабжения Красной Армии в 1918—1920 гг.// Доклады в сообщения Института истории. М., 1956. Вып. 11. С. 76; Коваленко Д. А. Указ. соч. С. 167, 340, 392.
- ¹⁴² Уваров Х. М. История народного хозяйства СССР. 1917—1934 гг. Л., 1954. С. 85.
- ¹⁴³ Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917—1922 гг. М., 1978. Т. IV. С. 355.
- ¹⁴⁴ Новая жизнь. 1918. 17 янв.
- ¹⁴⁵ Наш век. 1918. 5 апр.; Вечерние огни. М., 1918. 27 июня; Последние новости. 1936. 2 марта.
- ¹⁴⁶ Зарницкий С., Трофимова Л. Так начинался наркоминдел. М., 1984. С. 111.
- ¹⁴⁷ Из глубины времен. Вып. 1. СПб., 1992. С. 124.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 125.
- ¹⁴⁹ РГИА. Ф. 21. Оп. 2. Д. 1532. Л. 1. 06.
- ¹⁵⁰ ДВП СССР. М., 1958. Т. 2. С. 622. В связи с этим необходимо критически подходить к официальным данным об обороте внешней торговли

Советской России в годы гражданской войны: Кауфман М. Я. Внешняя торговля России. 1918—1921 гг. Пг., 1922.

¹⁵¹ Соломон Г. А. Среди красных воцдей. Личное пережитое и виденное на советской службе. Париж, 1930. С. 252. См. также: Степанов А. С. Ленинская политика мира на Дальнем Востоке: внешнеторговые и культурные связи 1917—1922 гг. // История СССР. 1983. № 6. С. 22—25.

¹⁵² ДВП СССР. Т. 2. С. 624.

¹⁵³ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 191. Л. 1—3.

¹⁵⁴ Следует обратить внимание на то, что организуя интервенцию против Советской России, США и страны Антанты не спешили с официальным признанием белых правительств.

¹⁵⁵ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 252; Ист. арх. 1957. № 2. С. 81.

¹⁵⁶ Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг стрит. М., 1980. С. 100; Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1983. С. 203.

¹⁵⁷ Rosenfeld L. Sowjetrussland und Deutschland. 1917—1920. В., 1984. С. 80; Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918 Von Brest-Litovsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien-München, 1966. С. 10.

¹⁵⁸ Wheeler-Bennet J. W. Die Nemesis der Macht. Die Deutschartmee in der Politik. 1918—1945. Düsseldorf, 1951.

¹⁵⁹ Горлов С. А. Военное сотрудничество СССР и Германии // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 4—11; Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922—1933 гг. Неизвестные документы. М., 1991.

¹⁶⁰ Who's who in America, Vol. 17. P. 1:51—155.

¹⁶¹ Sutton A. Wall Street and Bolshevik Revolution. N. Y., 1974. P. 154—156.

¹⁶² Op. cit. P. 145—168.

¹⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 68.

¹⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 111, 429; Т. 45. С. 414.

¹⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 422—423.

¹⁶⁶ О происходившем пересмотре этих цен свидетельствуют следующие данные: в 1919 г. за пуд рожаной муки можно было купить 6,3 аршина ситца, в 1921 г. — 7,2, а в 1922 г. — 11,7 аршина (Известия. 1925. 13 янв.).

¹⁶⁷ Данный факт был открыто признан ЦК РКП(б) на XII съезде партии в 1923 г. (Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1928, С. 47).

¹⁶⁸ Девятый съезд РКП(б): Протоколы. М., 1960. С. 504.

¹⁶⁹ Уфермас П., Хюглин К. Стиннес и его концерн. М., 1925. Кантэр Я. Король республиканской Германии — Гуго Стиннес. М.—Л., 1924; Фридрих А. Гуго Стиннес. Опыт политической характеристики. Москва — Берлин, 1926.

¹⁷⁰ См. выше. С. 56—57.

¹⁷¹ Норден А. Уроки германской истории. М., 1948. С. 115—116.

¹⁷² Из глубины времен. Вып. 1. СПб, 1992. С. 132—133.

¹⁷³ РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 48. Л. 5—8.

¹⁷⁴ Греков И. Экономический шпионаж // Социалистический вестник. 1928. № 14. С. 5.

¹⁷⁵ Krummacher F. A., Lange H. Krieg und Frieden. Geschlechte der deutsch-sowjetischen Beziehungen. München, 1970. S. 211.

¹⁷⁶ Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР. Официальный стенографический отчет специального присутствия Верховного Суда СССР. М., 1933. Вып. 1—2.

¹⁷⁷ Возрождение. Париж, 1929. 13 февр.

¹⁷⁸ ДВП СССР. М., 1967. Т. XIII. С. 548.

¹⁷⁹ Там же. С. 669.

¹⁸⁰ В 1903 г. на 15 302 промышленных предприятиях, подчинявшихся фабричной инспекции (это примерно две трети всех промышленных предприятий России), было занято 4276 иностранных специалистов, из них 2855 мастеров и 1421 управляющих от начальника цеха и выше. Из 1421 управляющего 282 человека не имели никакого образования, 309 имели начальное образование, 520 — среднее и только 320 — высшее, в том числе 288 — высшее техническое (Состав служащих в промышленных заведениях в отношении подданства, языка и образовательного ценза. СПб, 1904).

¹⁸¹ США — СССР: Экономические отношения. Проблемы и возможности. М., 1976. С. 78.

¹⁸² Там же. С. 69.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ ДВП СССР. Т. XIV. М., 1968. С. 523.

¹⁸⁵ Мироу К., Маурер Г. Паутина власти. Международные картели и мировая экономика. М., 1984. С. 365—372.

¹⁸⁶ ДВП СССР. Т. XII. С. 425.

¹⁸⁷ Бейлев Н. Стране нужен не только советский завод, но и советский автомобиль // Известия. 1931. 10 июля.

¹⁸⁸ Красин Л. Б. Внешнеторговая и внешнеэкономическая политика советского государства. Пг, 1921. С. 22.

¹⁸⁹ Фурсенко А. А. Династия Рокфеллеров. 2 изд. Л., 1970. С. 138.

¹⁹⁰ Возрождение. Париж, 1929. 5 марта.

¹⁹¹ Социалистический вестник. 1928. № 21; 1929. № 6.

¹⁹² Троцкий Л. Д. Нерабочее и небуржуазное государство? // Бюллетень оппозиции. 1938. № 62/63. С. 19.

¹⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.

122
6283

ИЗ
МЛУБИНЫ
ВРЕМЁН

1993

СОДЕРЖАНИЕ

У. АШБЕРГ. Между Россией и Западом. 1914—1924 гг. Из воспоминаний «красного банкира»	3
Б. П. СЕЛЕЦКИЙ. Размышления об историческом процессе: в предчувствии грядущей катастрофы	95
А. В. ОСТРОВСКИЙ. Октябрьская революция: случайность? исторический загзаг? или закономерность?	129
ПО СТРАНИЦАМ ИЗДАНИЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ. Библиография библиографий. Публикацию подготовила И. И. Иванова	189